



# РАБОТНИЦА

НОЯБРЬ

1963





# СТЕРИЛ ПОД





# ТАМАК ИМАЕТ ФЛАГ



Фоторепортаж Н. МАТОРИНА.

Башкирскому городу Стерлитамаку почти двести лет. Но за всю свою предыдущую долгую историю не претерпел он столько изменений, сколько за последние пять лет.

По решению майского Пленума ЦК КПСС 1958 года здесь началось строительство предприятий большой химии. Название «Стерлитамак» замелькало на газетных полосах, появилось на бланках заказов химического оборудования, в приказах министерств, в требованиях стройтрестов, в комсомольских путевках молодых строителей. «Стерлитамаку нужно...», «Стерлитамаку требуется...», «Стерлитамак ждет прибытия...», «В Стерлитамак выехали...».

Прошло пять лет. И Стерлитамак поднимает флаг большой химии.

Расширены мощности содово-цементного комбината — он теперь у нас крупный производитель соды. В этом году даст первую продукцию — хлор и ацетилен — огромный химический завод. Самый дешевый каучук в стране выпускает гигант — завод синтетического каучука. Он получает каучук из бутана — нефтяного газа, который до недавних пор бесполезно сгорал в факелах. Начало сооружение второй и третьей очереди этого завода.

Совсем недавно телеграфные провода опять понесли поздравительные телеграммы в Стерлитамак новому имениннику в семье химиков: закончено стро-

ительство цехов опытного производства изопренового каучука.

Изопреновый каучук — тоже синтетический каучук, но со свойствами и достоинствами натурального. Достаточно сказать, что если покрышки из обычного синтетического каучука проходят 40—45 тысяч километров, то покрышки из изопренового каучука — до 95 тысяч километров.

Раньше у нас в стране не было таких заводов. Стерлитамакский — первый, опытный. Очень важно опробовать оборудование, проверить технологию. Данные, полученные на этом заводе, будут использованы при проектировании и сооружении других предприятий изопренового каучука.

Посмотрите на фотографии, сделанные на заводе изопренового каучука нашим фотокорреспондентом.

На снимке, помещенном на второй странице обложки, завод предстает перед нами с высокой площадки цеха разделения контактных газов и выделения изопрена, где работают аппаратчицы Валентина Гришнова, Екатерина Казакова и Раиса Хасанова. Девушки окончили Стерлитамакское техническое училище и отлично следят за технологическим режимом.

Основное сырье для получения изопрена — жидкий газ изопентан — хранится в гигантских серебристых цистер-

нах. Отсюда его откачивают на установки предварительной очистки аппаратчицы Люба Воронова и Тоня Герасимова (фото сверху).

Управление всеми процессами на заводе автоматизировано. Центральная операторная имеет прямую связь со всеми цехами завода. На снимке внизу — мастер-наладчик электронно-счетной машины «Марс» Виктор Сахаров и аппаратчица Зоя Андреева.

В Стерлитамаке уже есть и свой вуз (отделение Уфимского нефтяного института). Здание для него было построено руками студентов и общественников города. В нем занимается более тысячи рабочих и служащих завода. На снимке



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



## РАБОТНИЦА

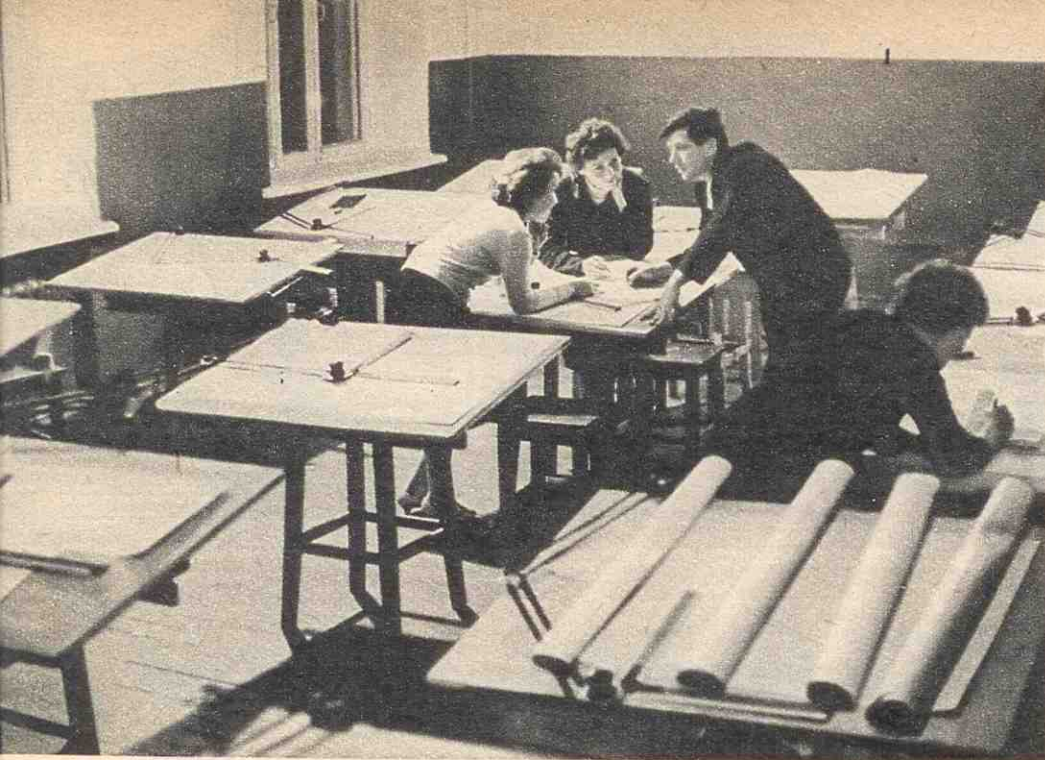
Общественно-политический и литературно-художественный журнал

ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

11  
НОЯБРЬ  
1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ПРАВДА»





слева — студенты вечернего отделения техник-лаборант Файруза Гарифова, аппаратчица Валентина Попова и начальник смены Юрий Филиппов на практических занятиях по черчению и машиностроению.

Всего четыре года назад окончила Харьковский политехнический институт Лия Александрова и уже руководит производственно-техническим бюро опытного производства. Так же молода и старший экономист Сальва Чумарина (фото справа).

Сейчас на опытном заводе изопренового каучука завершаются наладочно-пусковые работы. Коллектив завода обязался к открытию Пленума ЦК КПСС выдать первую партию каучука из изопрена.

А впереди у химиков новые, еще большие дела и задачи. Предстоит закончить строительство химического завода, второй и третьей очереди завода синтетического каучука. И снова становятся в ряды слова на телеграфных бланках: «Стерлитамак требует...», «Стерлитамаку нужно...», «Стерлитамак докладывает...»

## Ударная комсомольская

Из записной книжки начальника штаба

Завод изопренового каучука уже работает. Но строительство его продолжается. И по-прежнему на строительных площадках постоянно бывает начальник штаба ударной комсомольской стройки Тоня Лукина. Вы ее

видите на нижнем снимке. Вместе с мастером управления механизации Виктором Кожуриным она проверяет качество дорожных работ.

Ниже помещаем записки ТОНИ ЛУКИНОЙ.



лаг. Каждый день в 7 часов 40 минут утра на нашей стройке взвизывает флаг. Право поднять его получает бригада, которая вчера работала лучше всех. Происходит это очень торжественно. Приходят ребята — участники школьного духового оркестра. Они играют марш, и рабочие смотрят, как флаг медленно взбирается по флагштоку. Весь день он алеет над строительной площадкой.



рокодил». Выполнение графика строительномонтажных работ комсомольский штаб взял под свой контроль.

В эти предпусковые дни штаб — на строительной площадке. Не проходит часа, чтобы кто-нибудь не обратился к нам за помощью.

— Воды нет, нельзя вести опробование батарей...

— Не хватает муфт для установки вентилятора.

Сегодня «Комсомольский прожектор» обнаружил, что в компрессорном отделении цеха № 4 неправильно подготовили фундаменты под моторы и компрессоры. А до обкатки моторов оставалось четыре часа.

Штаб выяснил виновников и предложил переделать работу. У входа на участок повесили «Крокодил». Видно, критика здорово задела: работу выполнили в срок. Применили элект



рипич. Куда он девается? На всех строительных участках большой перерасход. Надо выяснить, почему.

Провели рейд. Поставили комсомольские посты на приемке. Обнаружили, что в каждую машину кирпич недогружают. Кто же виноват: завод или шофер? Поехали на Куге-накский кирпичный завод. Вернули первые две машины и пересчитали. И что же! Оказалось, что в каждой машине не хватает по 200 штук.

Так вот почему у строителей перерасход кирпича, а кирпичный завод план перевыполняет!

Материалы рейда передали в комитет партгосконтроля.



бед. В обеденный перерыв прямо на строительной площадке выступала концертная бригада Дома культуры. Рабочие были очень довольны. Но вот что плохо: обед вовремя не привезли, машина где-то задержалась, приехала, когда перерыв уже кончился. Но мы заставили работников столовой разнести обеды по рабочим местам. Пусть свою вину исправят!



омощники. Завтра опять городской воскресник. Штаб стройки обратился ко всем комсомольцам и молодежи города с призывом помочь строить цехи производства изопренового каучука.

Откликнулись все. Теперь ежедневно у нас по 500—1 000 помощников.



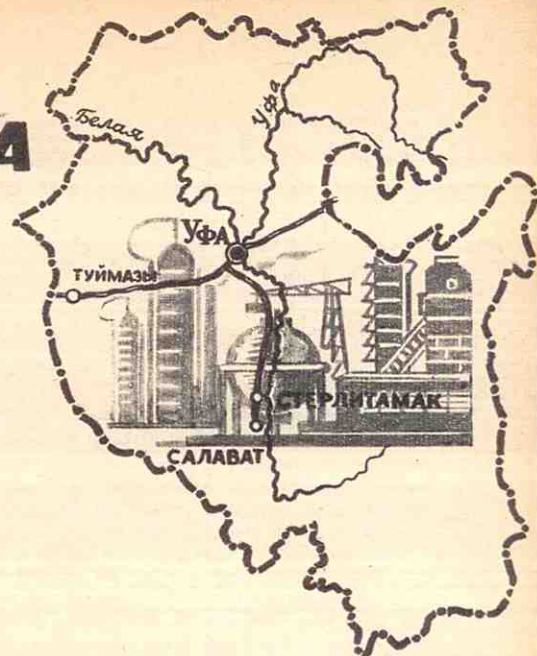




# РЕСПУБЛИКА

# БОЛЬШОЙ

# ХИМИИ



У карты родной страны

Еще совсем недавно Башкирию называли республикой нефти. Теперь ее по праву можно назвать и республикой химии. Здесь бурно развивается эта важнейшая отрасль промышленности. За семилетие в строительство химических предприятий Башкирии будет вложено 590 миллионов рублей. К 1970 году выпуск химической продукции в республике по сравнению с 1958 годом возрастет во много раз.

Взгляните на схему: Уфа, Стерлитамак, Салават, Туймазы... Здесь уже работает, строится и будет построено много крупных предприятий.

Великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что использовать нефть в качестве топлива — это все равно что бросать в топку деньги. Нефть и сопутствующие ей газы, продукты ее переработки — ценное сырье для химии. Башкирия обладает богатейшими запасами нефти, поэтому в республике развивается прежде всего нефтехимия.

Без минеральных удобрений, без ядохимикатов нельзя добиться высоких урожаев. И башкирские химики стремятся внести свою долю в подъем сельского хозяйства.

На Уфимском химическом заводе производят гербициды — пахучие ядохимикаты, которые обладают замечательным свойством: не оказывая вредного действия на культурные растения, они уничтожают сорняки. Применение гербицидов дает прибавку в урожае 3—5 центнеров на гектар. В ближайшее время ядохимикаты начнут выпускать и другие предприятия республики.

Салаватский нефтехимкомбинат производит один из самых ценных видов удобрений — мочевины. Скоро башкирские предприятия дадут сельскому хозяйству и другие азотные удобрения.

Башкирия становится и одним из крупнейших поставщиков пластических масс. На Салаватском, Уфимском и других химических заводах организуется производство полиэтилена и полипропилена — пластиков, широко применяемых в самых различных отраслях народного хозяйства. На Стерлитамакском химическом заводе создается комплекс по производству полихлорвинилового смолы и переработки ее в пластикат, который заменяет цветные металлы, каучук, пряжу. Из полихлорвинилового смолы будут делать дешевый и нарядный линолеум.

И по сей день в районах нефтедобычи часто можно видеть пылающие факелы: горят нефтяные газы. В прошлом году, например, только в степях Башкирии, Татарии и Куйбышевской области сгорело более трех миллиардов кубических метров этого ценного сырья. А ведь из него можно было получить 150 тысяч тонн синтетического каучука, или более полумиллиона тонн пластмасс...

Сейчас нефтяники и химики решительно гасят факелы расточительства. В районах переработки нефти и газов создаются крупные химические заводы. Один из них — Стерлитамакский завод синтетического каучука. Здесь впервые в нашей стране будет изготавливаться новый тип каучука — изопреновый. Осваивается также производство каучуков, стойких к бензинам и маслам, к низким температурам.

Чтобы каучук превратить в шины и другие резинотехнические изделия, нужна сажа. В комплексе большой химии Башкирии предусмотрены и такие предприятия. Уфимский и Стерлитамакский заводы дадут сажу различных марок, в том числе наиболее ценную — белую.

На предприятиях Башкирии производят капролактан, скоро будут выпускать лавсан, различные лакокраски, моющие вещества, синтетические спирты, растворители, катализаторы и множество других химических продуктов.

Башкирия — только один из многих районов, где сейчас создается мощная химическая промышленность. Новые предприятия строятся также в Сибири, на Украине, на Урале, в Узбекистане и в ряде других краев и республик нашей страны.

Л. ЛЕОНТЬЕВА, Н. АЛИСОВ, кандидат географических наук, — научные сотрудники Института технико-экономических исследований химической промышленности.



мемориальная доска. Решили, что бригады, которые 2—3 раза завоюют почетное право поднять флаг стройки, будут занесены на мемориальную доску. И когда получили первый изопрен, на мемориальной доске у главного входа было высечено:

«Опытный завод СКИ —

Всесоюзная ударная комсомольская стройка — сдан 29 июня 1963 года.

Участок «СУ-6» — начальник тов. Втюрин Н. Е.

Участок ВНЗМ — начальник тов. Демидов Е. В.

Участок БЭМ — начальник тов. Мартынов И. А.

Комсомольско-молодежные бригады бригадиров тт. Сафаргалеева С. Ш., Воронова Н. П., Абдуллиной Р. С., Гориной Е. М...».



# три минуты

Вот уж действительно, зачем было брать этот ватник! Все хоть и в рабочем, но по-летнему, а Мария Игнатьевна — в ватнике. В автобусе знакомый оператор с третьего прииска пошутил: что, мол, тетя Маша, зиму подгоняешь?

На повороте слезла, сбросила телогрейку. Оглянулась назад, на город — и сразу разгладились морщинки на лице. Сколько месяцев — и в сугробную пору и в солнечную теплынь — каждый день ездит сюда Мария Игнатьевна, а все не перестает удивляться красоте родных мест!

Весь Октябрьский как на ладони — строгие линии белых кварталов, трубы «Нефтеавтоматики» и только что пущенного в ход Фарфорового. А кругом степь. Только не пустынная, не голая. Куда ни погляди, буровые и эксплуатационные вышки, высоковольтные опоры и нити проводов.

А что было семнадцать лет назад, когда она только приехала сюда?

Да ведь Октябрьского тогда и в помине не было! Пять бараков, вместо электричества — коптилки...

Она перекидывает ватник через плечо и вдруг вспоминает: ватник-то у нее старый! Досталось ему — эка побурел да обтерся! Заплатку положила, еще когда на стройке работала. А темные следы нефти появились после того, как Мария Игнатьевна стала оператором по нефти и газу... Да, пора менять ватник, отслужил свое.

От остановки автобуса до эксплуатационных скважин два километра. Это тридцать минут. Еще пять минут уходит на сдачу и прием смены. Мария Игнатьевна заглянула в журнал дежурства, привычно провела пальцами по кнопкам пульта, бросила взгляд на стенд, где зеленые глаза добро и спокойно сигналили: все в порядке!

Работы у оператора хватает, скучать некогда. И Мария Игнатьевна присела только тогда, когда позвонил телефон.

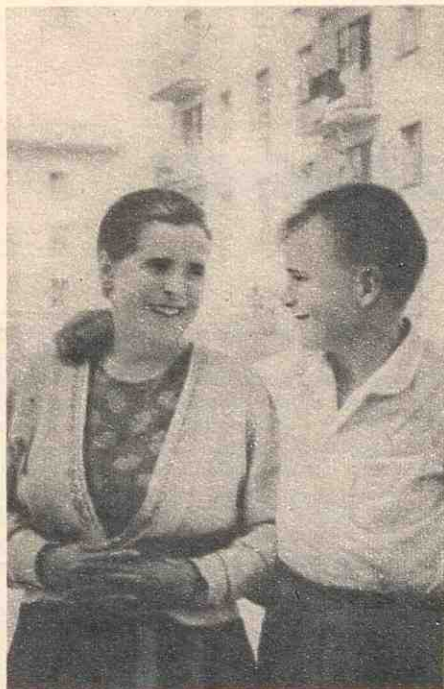
— Тетя Маша? Это Эмма Гох, диспетчер. Как там у вас? Хорошо? Вот что, тетя Маша, сегодня в шесть часов партийное собрание, Бакиров просил не опаздывать...

Что говорила Эмма Гох дальше, Мария Игнатьевна не расслышала, потому что в эту секунду над ее головой, над всей степью оглушительно грохнул гром. Гроза!

Мария Игнатьевна отключила качалки и, приоткрыв дверь, выглянула на улицу. Сизая молния прошла небо огненной строчкой. «Далеко», — с облегчением подумала Мария Игнатьевна.

Вторая молния ударила ближе. Третья...

Удар грома был таким, что показалось: маленький домик оператора раскололся надвое. Мария Игнатьевна на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, не смогла сдержать испуган-



Мария Игнатьевна с сыном Славой.  
Фото автора.

ного крика: над трубой ближнего мерника — двухметрового бака для сбора нефти — злым языком металось пламя!

Пятьдесят тонн нефти в трех баках! Если взорвется один, взорвутся и другие. Взлетят в воздух нефтяные вышки, оборудование и домик оператора!

Первая мысль: «Вызвать аварийную команду». Бросилась к телефону — трубка молчит, связь прервалась. Тогда Мария Игнатьевна схватила телогрейку и выбежала на улицу. «Лишь бы возвратиться на бак... думала она. — А с бака можно и до трубы дотянуться...»

Лестница у бака была скользкой от нефти. Мария Игнатьевна упала, ушиблась, но боли почему-то не почувствовала. Еще несколько ступенек — и она ухватила пальцами переходный шланг. Теперь надо влезть наверх!

И она влезла. Влезла на бак и, широко размахнувшись, ударила телогрейкой по пламени. Труба обдавала нестерпимым жаром. Ватник задымился. Мария Игнатьевна скинула кофту и бросила ее поверх ватника...

Она с трудом добрела до будки и, привалившись к столу, прижалась щекой к прохладной коробке телефона. Очнулась от звонка. Это была Эмма Гох.

— Тетя Маша? Как там у вас?

Мария Игнатьевна сказала чужим, деревяннным голосом:

— Хорошо. Теперь все хорошо...

Потом взглянула на часы: прошло три минуты!

...На партийное собрание она поспела вовремя. Управляющий промыслом Ремеев и парторг Бакиров встретили ее у крыльца конторы. Они уже все знали, и Ремеев начал даже несколько официально благодарить ее, но вдруг сбился, обнял Марию Игнатьевну и восхищенно воскликнул:

— Ну и отчаянная душа!

\* \* \*

— Неужели из Москвы? — растерянно спросила меня Мария Игнатьевна. — Это из-за того случая?

Покачала головой. И вдруг, улыбаясь, всплеснула руками.

— Ой, что это я, сесть вам не предположила!

В комнате было трое ребят — два мальчика и девочка.

— У нас с мужем их четверо, — заговорила Мария Игнатьевна. — Старшая, Тина, замужем, отдельно живет...

Вспоминала она разное: как работала батрачкой у кулака, как училась в ликбезе, как в тридцатых годах родился в селе колхоз и на первом своем собрании бывшие батраки решили единогласно: «Поставить в Татьяновке школу для крестьянских детей-малолеток, а гражданку Кормакову Марию, как грамотную достаточно и революционно мыслящую, определить учительшей...»

Я слушаю Марию Игнатьевну и думаю, что для нее, как и для миллионов советских людей, трудовой героизм — дело само собой разумеющееся («Это моя страна! Я делаю это для нее!»).

И, верно, потому-то она удивилась, узнав, что в Москве известно о ее поступке...

Дети укладывались спать, когда раздался осторожный звонок. Мария Игнатьевна открыла дверь. Я увидел двух мужчин в одинаковых чесучовых пиджаках. Они долго извинялись за беспокойство. Потом один из них объяснил, что они пенсионеры, общественники, и пришли по поручению городского музея. Правда, музея как такового еще нет, но он обязательно будет!

Второй мужчина вытащил бумагу, ручку и сказал:

— А сейчас, товарищ Кормакова, мы запишем ваш рассказ о подвиге, совершенном одиннадцатого июля сего года...

Ушел я от Кормаковой вместе с общественниками. По дороге они вдруг вспомнили, что не спросили у Марии Игнатьевны о телогрейке. Не сгорела ли? Для музея это дорогой экспонат!

Музей. А ведь совсем недавно самого города на карте не было!

Очень это здорово: возвести на голом месте такой город — Октябрьский! С высокими домами и зелеными скверами. С двухзальными кинотеатрами и кафе из стекла. С буровыми вышками и огромными заводами.

А раз есть такой город, есть герои, славящие его, нужен и музей! И если даже не будет там старой телогрейки, так уж обязательно будет уголок, посвященный подвигу простой русской женщины, коммунистки Марии Игнатьевны Кормаковой.

Ц. ГОЛОДНЫЙ

г. Октябрьский, Башкирская АССР.





Инна ГОФФ

## НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

В 1950 году в Детгизе вышла первая книга писательницы Инны Гофф — «Я тайга». Ее повести «Биение сердца», «Точна кипения», «Поэтом можешь ты не быть» знакомы не только советским читателям, они изданы в ГДР, в Венгрии, Польше, Чехословакии, Болгарии.

В этом году издательство «Советский писатель» познакомило нас с романом Инны Анатольевны «Телефон звонит по ночам», рассказывающем о наших современниках, об их героическом труде и любви.

В настоящее время писательница работает над циклом рассказов, связанных с воспоминаниями суровых военных лет. Два из них — «Кисет» и «Чудный камень яхонт» — мы предлагаем вниманию читателей.

# КИСЕТ

«Алым шелком шила —  
вышила кисет...»  
Из песни.

Не знаю, каждой ли девушке предстоит вышить в своей жизни хоть один кисет. А я свой вышила.

Мне было пятнадцать лет. Каждый день я ходила в госпиталь. Он был моим фронтом. У меня был свой белый халат, подшитый по росту. Своя косынка — я завязывала ее по тогдашней моде чалмой, подражая медсестре Наде. У медсестры Нади были черные ресницы, черные глаза. Как в песне. Ее пела певица, приезжавшая с концертной бригадой к нам в госпиталь.

Вот умчался поезд, рельсы отшумели. Милый друг уехал, может, навсегда. И с тоской немою вслед ему смотрели Черные ресницы, черные глаза...

Артисты часто приезжали к нам в госпиталь. У нас был хороший зал, со сценой и даже с небольшой деревянной резной галеркой, — актовый зал бывшей школы.

Я не любила, когда исполняли эту песню. Не потому, что она мне не нравилась. Просто, слушая ее, все в зале думали про Надю. И Коля Асташкин тоже.

Коля был выздоравливающий. Он был летчиком. Один летчик на весь наш госпиталь. Его сбили под Ельней. Теперь он поправился и со дня на день ждал выписки. Он возвращался в свою летную часть.

Когда приезжали артисты, он всегда занимал в зале место для Нади. А если Надя в тот день не дежурила, — для меня.

Коля Асташкин был ранен в руку. Она еще болела у него, он не мог аплодировать. Он говорил мне: «А ну, давай лапу», — и мы хлопали ладонь о ладонь. У него было смелое, открытое лицо, как и положено летчику.

Ему недавно исполнилось двадцать лет. Меня он считал девчонкой. Надя считала мальчишкой Колю: ей было двадцать три.

Шел ноябрь сорок первого года. К нам в госпиталь приехал артист Илья Набатов. Он исполнял политические куплеты своего сочинения на популярные мелодии.

Я с дивизией эс-эс  
Прибыл утром в энский лес...

Это пелось на мотив вальса «Венский лес» Иоганна Штрауса. В песенке говорилось о бароне фон Штраусе, немецком генерале.

Я построил всех во фронт,  
Показал на горизонт,  
Где Москва виднелась,  
Будем грелся на печи,  
Обжигался калачи...  
На Москва за мной в атака!

Это было в дни разгрома немцев под Москвой. Зал неистовствовал, топя ногами. Мы с Колей отхлопали друг другу ладони. Рука у него уже зажила, нам просто нравилось так хлопать. Я смотрела на Колю и думала о том, что скоро он уедет, и больше я не услышу его веселого голоса, его слов: «Давай лапу». Он уедет, и больше никто не назовет меня Рыжей и Курносой, потому что я не рыжая и не курносая на самом деле. Мне стало грустно. Кажется, в тот вечер я решила вышить ему на память кисет.

Кисетов я в госпитале насмотрелась. Были всякие — пестрые, яркие и суровые, практичные, были с затейливой вышивкой и просто с инициалами. Были с надписями: «Бей проклятых фрицев!», «На память другу», «От любимой».

Я нашла лоскут от шелковой подкладки и сшила мешочек. Продела узкую ленточку так, чтобы мешочек можно было затягивать. Кисет был готов.

Оставалось его вышить. Я слабо, карандашом, навела по серому шелку: «Закури — и вспомни». Наверно, я это не сама придумала. Увидела на каком-то кисете, и запало в душу. Надпись мне нравилась. Я вышивала ее на виду у всего двора, сидя на перилах крыльца возле нашего дома.

— Ты что вышиваешь? — спрашивал Женька, мой сосед и одноклассник.

— Не видишь? Кисет.

— Для кого?

— Тебе не все равно? — Я смотрела на Женьку с высоты перил. — Для одного человека. — И, помолчав, добавляла: — Для летчика.

Мне нравилось дразнить Женьку, обижать его. Сама не знаю, почему. Женька был добр и доверчив. Тогда я еще не знала, что эти качества отличают настоящего мужчину.

— А для меня сошьешь? — спрашивал он.

— Тебе-то зачем? Ты не куришь.

Мы с Женькой дружили. Иногда он провожал меня до дверей госпиталя. Там, за дверьми проходной, в белом здании с ярко освещенными окнами, шла жизнь, незнакомая и таинственная. Проникая за эту дверь, я становилась для Женьки такой же незнакомой и таинственной, непохожей на ту девчонку с косичками, которую он знал. Зачем я хожу туда каждый день? Что там делаю? Девчонка среди взрослых...

Я ходила в госпиталь каждый день. Я таскала носилки. Дежурила в санпропускнике. Разносила по палатам книги. Кор-



Рисунки И. Ушакова.

мила с ложки тяжелораненых. Читала вслух и писала письма под диктовку. Одни называли меня дочкой, другие — сестренкой. Раненный в позвоночник узбек называл меня «маленький сестра», а Коля Асташкин звал меня Рыжей и Курносой...

В день отъезда ему выдали его летную форму. Гимнастерку с голубыми петлицами, в каждой по три треугольника. Желтый дубленый полушубок. Меховую



ушанку с красной звездой. Все было бело. Снег сверкал под синим сибирским небом, слепил глаза. Во дворе госпиталя уже стояла машина — Коля и еще несколько человек, наших бывших раненых, уезжали на вокзал.

Они были первыми, кого госпиталь наш провозжал после лечения обратно в часть. Все уже понимали, что война будет долгой и трудной и что этим молодым парням, возможно, еще предстоит лежать в госпиталях, а кому-то и в сырой земле...

Кто был посвободней, собрались во дворе, возле машины. Политрук сказал короткую речь. Начмед обнял и расцеловал каждого. Старушка кастелянша плакала: у нее на фронте были два сына. Из всех окон во двор смотрели раненые.

Коля слушал политрука, утешал кастеляншу, подмигивал друзьям, столпившимся у госпитальных окон. Но ему было невесело. Он ждал Надю, а Надя все не шла. Не знаю, что ее задержало. А может, они поссорились накануне?

— Ну, Рыжая, — сказал Коля. — Давай лапу!..

Я протянула ему правую руку, и он схватил ее больно.

— Ну что, Курносыя? — сказал он. — Подходяще? Можно садиться за штурвал? — Он улыбался, шутил, а сам искал глазами Надю. А я все время думала про свою левую руку, спрятанную в кармане пальто. В ней я сжимала кисет, который вышла для Коли. Первый и единственный кисет в моей жизни. «Закури — и вспомни».

Все уже были в машине, а он все оглядывался по сторонам: искал Надю. И оттого, что он искал Надю, я никак не могла решиться протянуть ему свой кисет.

— Ты вот что, — сказал он вдруг и взял меня за плечи. — До общежития добеги...

Я не стала дослушивать. Я уже бежала по узкой, протоптанной в снегу тропинке к флигелю. Там было общежитие медсестер. Я вбежала, не стучась. В комнате было пусто. Только на одной койке, укрывшись шинелью поверх одеяла, отсыпалась после дежурства толстуха Катя — медсестра из приемного покоя.

Койка Нади была пуста. На тумбочке возле нее стояло зеркало. За его рамку сбоку была вделана фотография юноши в спортивной майке — любительский снимок, сделанный до войны.

Коля стоял уже на подножке машины. — Ну? — сказал он.

Я покачала головой. И протянула свой кисет.

Он взял его, прочитал надпись, и лицо его вспыхнуло.

— Это она, да? — Его глаза счастливо блеснули. — Что ж ты молчала? Ах ты, Курносыя...

Шофер просигналил. Уже из машины Коля крикнул:

— Я ей напишу! Слышала? Смотри, не забудь!..

Я возвращалась домой и думала про Колю. На душе было как-то странно и пусто. Уехал Коля. Уехал мой кисет. Пусть Коля думает, что хочет. Главное, мой кисет всегда будет с ним. И сейчас, в дороге, и потом, перед боевым вылетом, Коля Асташкин достанет его, прочтет надпись, закурит и вспомнит... Надю.

— Отдала? — спросил Женька.

Он стоял на крыльце. Наверно, он ждал меня. Что-то новое, взрослое появилось в нем. Женька чиркнул спичкой по коробку, зажег папиросу, торчавшую в углу рта, затянулся и выпустил колечко дыма...

Он курил.

# Чудный камень ЯХОНТ

Улица вела к вокзалу. Днем и ночью по ней шли призывники. Днем — с песней, ночью — молча, чтоб не тревожить спящих. Как он помнится, этот не очень слаженный шорох шагов, покашливание, негромкие, отрывистые слова команды!

Летними ночами, темными и душными, окна всех домов распахнуты. Спят ли там? Спят ли они, жены, проводившие мужей? Первый месяц войны. Еще мало вдов. Еще каждая надеется, что ее минует беда. И все же они не спят — шорох шагов, такой тихий, сдержанный, своей молчаливой заботой будит их. Простыня кажется слишком тяжелой, подушка слишком нагретой. Тогда, набросив халат и осторожно ступая, чтобы не разбудить детей — сколько их, и своих и чужих, на полу и на кроватях: эвакуация, — женщины пробираются к окнам.

За окнами темнота, и темная людская река течет к вокзалу. Вспыхнет изредка огонек папиросы, мелькнет белый — ах, какой же он белый, что виден ночью! — узелок в чьей-то руке.

Все уверенней, все слаженней шорох шагов. Нам, детям, спится под этот шорох. Он баюкает нас, как дождь, как размеренный стук колес.

Мы с Надькой спим на сундуке. Сундук большой, окованный железом. Твердый. Надька мне не сестра, даже не подруга. Просто малознакомая девочка — вчера они поселились здесь, в комнате у тети Маши.

Надька и ее мама. Их привели управдом и участковый.

Управдом сказал:

— Марь Семенова, принимай гостей.

Участковый сказал:

— Заходите, располагайтесь...

Женщина сказала:

— Им без нас тесно.

Она разглядывала всю нашу компанию: тетю Машу, Федьку, Петьку, Вовку и меня.

А мы разглядывали их: женщину в сером плаще и девочку в красном пальто. Возле их ног на полу стояли два чемодана: один побольше, другой совсем маленький, похожий на патефон.

Управдом сказал:

— Ничего, в тесноте, да не в обиде.

Участковый сказал:

— А будут обижать, в третье отделение зайдете, спросите Мишакова.

А тетя Маша ничего не сказала. Ее никто ни о чем не спрашивал.

И вот мы с Надькой спим на сундуке, как самые близкие подруги. Как сестры. Федька, Петька и Вовка спят на диване, Надькина мама — на кровати, а тетя Маша — на полу. В первую ночь стали спорить. Ираида Сергеевна, Надькина мама, сказала:

— Позвольте мне лечь на полу...

Тетя Маша сказала:

— Вам позволь. Вы в третье отделение жаловаться побегите.

Надька сказала:

— Я люблю у стенок.

Я сказала:

— Мало ли! Я сама люблю.

Федька сказал:

— Пусть ложится. А то она в третье отделение побегит.

И вот она спит рядом со мной. У стенок. Во сне она разбрасывает тонкие

руки, горячо дышит мне в лицо. Чужая девочка. Не сестра мне, не подруга. Если бы не война, мы бы никогда не встретились. А сейчас мы спим на одной подушке, и наше дыхание смешивается во сне.

— ...Я не хотела, а он говорит: «Развяжи мне руки. Бери Надюшку и уезжай». Ну, мы и поехали... А сейчас жалею. Прямо места не нахожу.

— Ничего. Вернетесь.

— Прямо бы полетела к нему. Мы хорошо жили. На Выборгской стороне... Дом новый. Нам от завода комнату дали в прошлом году. Вы в Ленинграде бывали?

— Нет.

— Вот видите! А я там всю жизнь прожила. Я по нему с закрытыми глазами пройду. Мне даже странно: как можно в другом городе жить! У нас одни названия — Литейный, Фонтанка, Марсово поле... Война кончится, вы обязательно побываете. Лучше весной, когда белые ночи. У нас остановитесь. У нас комната большая. Двадцать метров. Балкон есть... Нет, лучше не вспоминать, так домой хочется... А как подумаю, что Коля уже без меня уйдет и проводить его будет некому... Ваш давно ушел?

— Давно. В январе.

— В январе?!

— Он к другой ушел. К другой женщине.

— Вот как? Я не знала.

— Теперь будете знать. С восемнадцатого января не прислал ни строчки. Только деньги шлет. И то на бланках — чужим почерком. Она отправляет. Вы не спите?

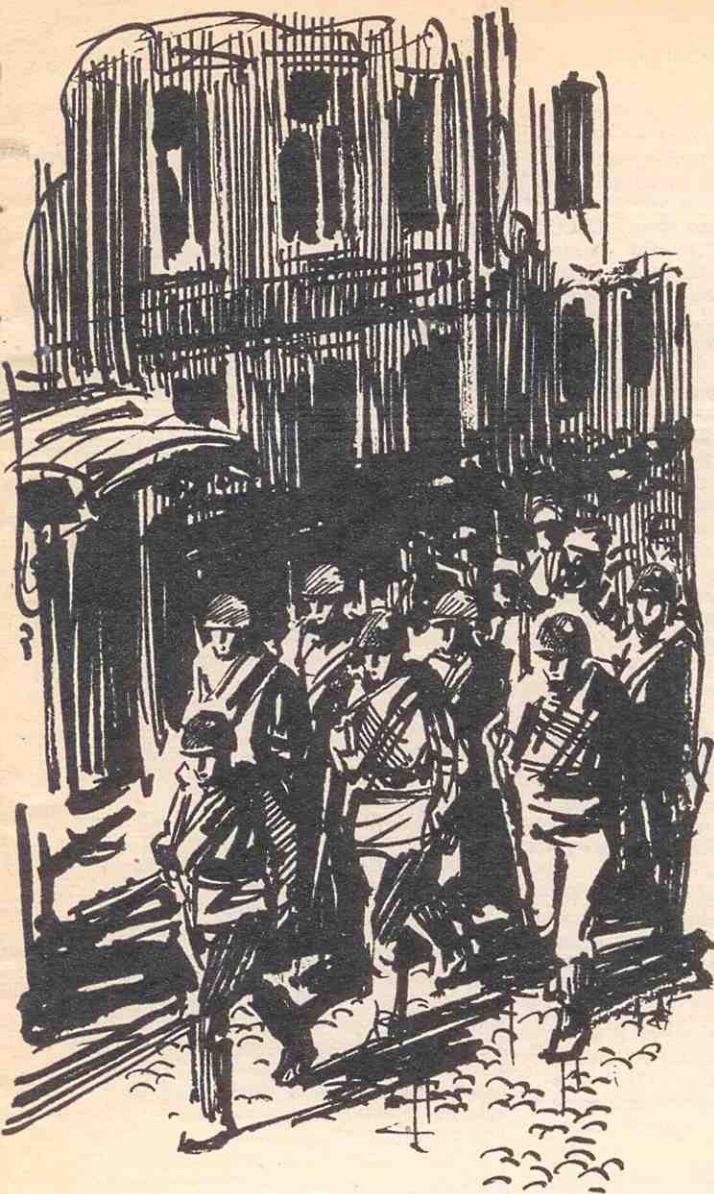
— Нет, что вы!

— Я на него зла не держу. Слабый он человек. Поманила — и побегал, как ягненок... Она красивая. Молодая. Сердцем жестокая... Не пожалела троих детей осиротить.

— Еще одумается.

— Не знаю. Зря не хочу себя тешить...





А тут еще эта война проклятая. Знать бы хоть, где он. Может, на фронте уже, в пекле самом...

— Любите вы его.

Долго молчит тетя Маша. Потом говорит тихо:

— Я ему смерти не желаю...

— Принять вправо! Не отставать! Шире шаг!.. — Это доносится из окна. Людская река течет к вокзалу.

— Ладно, давайте спать. Что вы все ворочаетесь? Неудобно вам?

— Мне неудобно, что вы на полу.

— Бросьте. Я хорошо устроилась.

— Ну, давайте хотя бы по очереди...

— Ладно. Спокойной ночи!

Завтра будет новый день. Утром тетя Маша растолкает Федьку, чтобы он проснулся и отвел Вовку в детский сад. Федька будет брыкаться и залезать под одеяло. Но потом все-таки встанет, натянет на смуглые, с облупившейся кожей плечи выцветшую голубую майку, и они пойдут — старший брат поведет младшего. Они не похожи. Федьке — четырнадцать, Вовке — четыре. Тетя Маша говорит, что Федька в четыре года был точь-в-точь, как Вовка, такой же толстый и спокойный. Сейчас Федька худой — можно все ребра под майкой пересчитать. Федька мечтает ударить на фронт. Он запасает спички и сухари. Я знаю место, где он их прячет. Теперь я думаю: зачем ему были спички?

Тогда нам казалось что спички на фронте — предмет первой необходимости.

Ираида Сергеевна уходит на завод. Тетя Маша готовит завтрак. Она работает в госпитале кастеляншей. Заведует выдачей белья. Сутки работает, сутки дома. Сегодня она дома. Она жарит картошку. Давно мы не ели жареной картошки. Сегодня нам посчастливилось: тетя Маша достала подсолнечного масла. Она жарит картошку на большой чугунной сковородке. Масло шипит, картошка, нарезанная кружками, румянится и пахнет на весь коридор. Мы стоим в коридоре вокруг керосинки, на которой жарится картошка. Петька, средний брат, — губастый, в вельветовых штанах, Надька и я. Мы устали глотать слюну. У нас сводит скулы. Сейчас придет Федька, и мы все торжественно сядем за стол, покрытый клеенкой. Тетя Маша даст всем по вилке, и мы будем есть картошку прямо со сковороды.

Тетя Маша говорит:

— Вообще-то я преступница. Столько масла ушло!

Надька говорит:

— Я люблю поджаристую. А у меня неподжаристая.

А мы ничего не говорим. Только вилки о сковородку стучат.

Тетя Маша говорит:

— Вообще-то я преступница. Почти побутылки ушло. Зато побаловала вас, ребятки. Сыты хоть.

...Вечером Ираида Сергеевна раскрывает маленький чемоданчик, похожий на патефон. Это и есть патефон. Она достает пластинку, бережно опускает иглу.

— Колина любимая, — говорит она.

Вращается черный круг, и мы в ожидании смотрим на него.

Не счастье алмазов в каменных пещерах,

Не счастье жемчужин в море

Далекое Индии чудес...

Мы слушаем заворуженно. Никто из нас не бывал в Индии. Да и при чем тут Индия? Эта песня оттуда, из нашей мирной жизни.

Есть на теплом мо-о-оре

Чудный камень я-а-ахонт...

Где-то осталось теплое море. Соленые волны, мокрые камни, за которыми прячутся хитрые крабы. Приземистые крымские парки с деревьями роз, протянутых к солнцу...

Тускло светит лампочка. А за окнами темнота. И нескончаемый шорох шагов. И негромкая команда.

Июль сорок первого года. Второй месяц войны...

# Лирика

Элида ДУБРОВИНА

## Крымская яблоня

Отчего дрожишь, как подрубленная?  
Иль поссорилась ты с подругами,  
От родной убежала рожицы  
И одна расцвела в урочище?  
Ах, колочая, невеликая, дикая,  
Оплетенная павиликою,  
Злой ожиною, ломоносами...  
А вокруг тебя бродят сосны,  
А вокруг зубы скалят скалы,  
В одиночку скалят и группами,  
И глядят, наостривши скулы,  
Как цветешь ты розово, крупно...  
Дай потрогать тебя, пожалуйста!  
Ну, пожалуйста,  
Ну, пожалуйста!  
Как морозы были безжалостны,  
Как сговаривались с камнями,  
Снегом мучили горы высокие,  
Как вгрызалась ты в камень

корнями,

До отчаяния одинокая...

Ах, чудачка, да как ты выжила?  
Что из этих камней ты выжала,  
Что цветешь так крупно и розово,  
Колешь пальцы мне,  
Брызжешь росами?..

## Опоздавшее письмо

Хваткий ветер, дымные пожары.  
В жадных тучах — острая звезда.  
По степям щетинистым к Чонгару  
Мчатся

Керченские бронепоезда.  
Рюют рвы солдатки и солдаты,  
Ладят минометы горняки,

Из жестянок мастерят гранаты  
Дети и седые старики.

Льется керосин во все бутылки...

Весь в котгах огня родимый дом,

И в каменоломне при копилке

Партизан склонился над письмом.

Рвет дыханье, кричат руки холод,

Еле держат пальцы карандаш.

«Здравствуй, дочка!.. Враг ворвался

в город,

В дорогой, хороший город наш».

Вылазка... И падают герои.

Командир убит. Подмоги нет.

«Здравствуй, дочка! Верь мне:

дом отстроим,

Вновь посадим яблоню ранет!»

Не из камня сердце, не из стали,

И всего одно стучит в груди.

«Дочка... Входы все замуровали,

Нет воды...

С победой жди».

Стужа. Жгучий ветер. Тьма ночная.

По щекам поземки хлесткий жгут.

К подступам седого Ак-Моная

Смелые десантники идут.

«С новым счастьем, дочка,

С Новым годом!

Выжил я: товарищ верный спас.

Помоги нам, ночь и непогода...

Наступаем... Видно, в добрый час!»

Пожелтели, выцвели чернила,  
На куски рассыпался конверт,  
Но письмо я все же получила —  
Через двадцать лет.





Нина Котельникова.  
Фото Л. Бородулина.

## ЗА УРОЖАЙ И МЫ В ОТВЕТЕ

На полке в нашем магазине лежат буханки хлеба. В последнее время я частенько ловлю себя на том, что смотрю на эти полки с хлебом не просто как потребитель, которому хочется белых булок, а как человек, который тоже в ответе за урожай. Хотя я не крестьянка, в деревне никогда не жила и хлеба не растила.

У меня на столе номер «Правды»... Товарищ Хрущев рассказывает о том, что сейчас в США на каждый гектар пашни вносится в среднем 227 килограммов минеральных удобрений. А у

нас — 70 килограммов, да и то в основном под технические культуры. Не докармливаем землю мы, химики!

Когда я и мои товарищи читали письмо Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «Об увеличении производства минеральных удобрений», мы чувствовали, как много должны сделать химики, чтобы сельское хозяйство не зависело от капризов природы.

В письме ЦК в числе других передовых химических предприятий назван и наш Невинномысский комбинат. А ведь всего несколько лет назад там, где поднялись его цеха, была голая степь. Я пришла сюда в 1960 году, когда существовала только строительная площадка и была единственная профессия на комбинате — строительная. При мне возводились корпуса, монтировались установки, прокладывались трубопроводы. Мы убрали строительный мусор, мыли полы, окна. Встречали оборудование и приборы, монтировали, опробовали.

А тут подошли напряженные дни пуска. Сутками, сменяя друг друга, не уходили мы из цехов. Снова и снова делались испытания, брали пробы и учились, учились все — от инженеров до аппаратчиков и лаборантов, — осваивали новейшую технику.

Кажется, совсем недавно все это было. Первая очередь комбината — производство аммиачной селитры — пущена в 1962 году. А сейчас хлеборобы получают от нас и селитру и мочевины.

Недавно пущен цех аммиачной воды. Этим «удобным» удобрением поливают поля до появления всходов. На очереди цех крепкой азотной кислоты. Строится специальный корпус мочевины.

Так не только на нашем комбинате. Дня не проходит, чтобы в газетах или по радио не сообщалось о пуске новых цехов и установок на химических предприятиях страны. Вот откуда возникает уверенность, что мы, химики, сумеем уже в ближайший год увеличить производство минеральных удобрений почти вдвое.

Никита Сергеевич Хрущев, побывавший на нашем комбинате, отметил, что

его местоположение выбрано очень удачно. Юг, теплый климат, простор такой, что глазом не охватить, рядом полноводная, быстрая Кубань, и сырье в избытке. Ставропольское месторождение газа богатейшее. Природный газ и воздух — это и есть основные источники сырья для нашего производства.

Технология у нас такая. Природный газ метан, окись углерода в высоких серебристых башнях-конверторах превращаются в водород и углекислый газ. Из водорода и азота, который добывается из воздуха, синтезируют аммиак. А он потом превращается в аммиачную селитру.

Конечно, эти химические процессы сложны. Наше производство почти полностью механизировано, оно требует большой точности, тщательного соблюдения технологии. Все реакции происходят в закрытых аппаратах, наблюдаются за ними приборы. И только на одном участке человек слегка помогает машине. В конце процесса мелкие шарики — гранулы селитры — падают вниз, на лету остывая. Рабочий подставляет мешок. Машина наполняет его, зашивает и подает на транспортную ленту.

Я работаю в центральной лаборатории комбината. Самая главная задача лаборатории — качество продукции. Чтобы хлеборобы получили от нас удобрения отличного качества.

Никита Сергеевич рассказывал на совещании работников сельского хозяйства Северного Кавказа, что на Кубани минеральные удобрения дают самую высокую прибавку урожая. В этом году в среднем с гектара собрано озимых по 26 центнеров. А если дать по 5—6 центнеров минеральных удобрений на гектар, то можно получить по 40 центнеров зерна.

Чтобы достигнуть таких результатов, нам, химикам, надо хорошенько потрудиться. Когда я говорю «нам», я имею в виду и своих товарищей по работе, и строителей, нарацивающих производственные мощности комбината, и свою семью, которая уже много лет связана с химией.

Н. КОТЕЛЬНИКОВА,  
лаборантка Невинномысского  
химического комбината.

## А как у вас дела?

В № 9 журнала «Работница» мы рассказали о том, что женские советы г. Тулы взяли под свой контроль заготовку и хранение овощей. Теперь сообщаем, что сделано за это время. Общественники снова побывали на складе № 1 «Плодоовощторга». Отраднo было заметить, что все наши замечания учтены, помещение подготовлено полностью, закрома полны картофеля, моркови, свеклы.

План заготовки этих ово-

щей перевыполнен. Специальные бригады начали за-сол капусты.

— Не лучше ли квасить капусту не в больших чанах-дошниках, а в кадушках? Это и экономнее и вкуснее. — внесли мы еще одно предложение.

В прошлый раз на складе треста столовых мы обнаружили много недостатков. Стены были не побелены, крыша протекала, подъездные пути разбиты. Отчитали мы работников треста как

следует, сообщили обо всем в райком партии, в областное управление торговли. Теперь положение заметно изменилось к лучшему.

Почти каждый день заглядываем мы и в овощные палатки, добиваемся, чтобы не уходила хозяйка с пустой корзиной, чтобы в продаже всегда были и капуста, и картофель, и морковь.

На этом женский совет не собирается успокаиваться. Еще не раз побываем

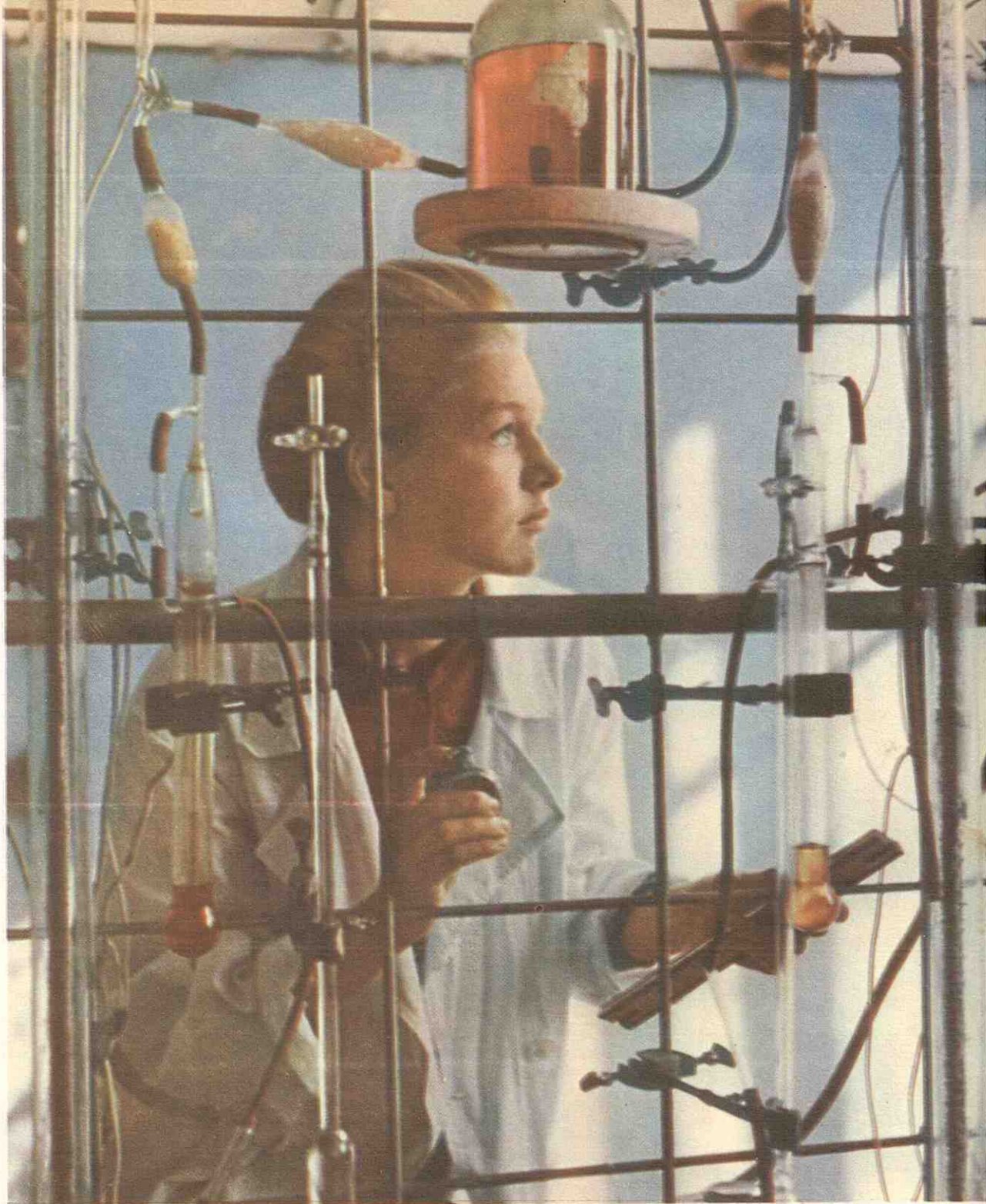
мы в овощехранилищах. Будем внимательно следить, как хранятся овощи, хорошо ли оберегают их от мороза, от порчи, добьемся, чтобы всю зиму в меню рабочих столовых были овощные блюда.

Очень интересно было бы нам узнать, как идут дела у общественниц в других городах.

К. АККУРАТОВА,  
председатель женского  
совета Оружейного  
завода.  
г. Тула.



Люди  
Стерлитамакского  
завода  
синтетического  
каучука



Лаборант Центральной заводской лаборатории Светлана Шведова проводит анализ газа.

Аппаратчица Людмила Куранова.



Фото Н. МАТОРИНА.





И. ФЕОКТИСТОВ. НА РОДНЫХ ПРОСТОРАХ.

# ДЕВОНСКИЙ ИЗВЕСТНЯК

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ\*

**П**ервый подснежник я заметил у самого края подтаявшего хрустящего снега, в том месте, где уже сочилась струйка талой воды. Они перекачивали какие-то зерна и песчинки.

Белые, почти прозрачные лепестки подснежника, измятые после зимнего сна, распрямлялись на солнце и вздрагивали.

Первая весна! «Прима вера»! Когда мы с мученьями зубрили в гимназии латынь, то только эти благозвучные слова впервые примирили нас — и то немногих — с этим языком. «Прима вера» — первая полудетская весна. Та весна, когда стрелки травинки еще не выползли из земли и видны только в сырых маленьких трещинах. Там они еще прячутся от ночных заморозков.

Тихое солнце в полном безветрии грело землю (это было в Орловской области около городка Ливны) и спокойно сверкало над просторной — тогда еще уездной, а ныне районной — Россией.

В оврагах за городом уже сердилась и бормотала вода. Вдали, в печном дыму пригородных слободок — Стрелецкой и Ямской, — орали, надсаживаясь, сдуру теряя голоса, слободские бесстрашные петухи. Они радовались возвращению тепла и ликовали по случаю своей долгой жизни, — петухам, наверно, казалось, что они бессмертны на этой земле так же, как бессмертны и люди.

\* Повесть «Книга скитаний» является шестой по счету книгой автобиографического цикла «Повесть о жизни». Полностью она будет опубликована в журнале «Новый мир».

Я отпросился из РОСТА на несколько дней и поехал в Ливны к старым знакомым мамы. Поехал без всякого дела, «просто так». Мне хотелось отдышаться после трудной жизни в Пушкине и затяжной московской зимы.

В Ливнах жила старушка, вдова земского врача Шацкого, с дочерью, тоже врачом, и сыном-геологом. После экспедиции на восточный берег Каспийского моря геолог Алексей Дмитриевич заболел тяжелым нервным истощением и теперь отдыхал в Ливнах у матери и сестры. Шацкие жили в старом деревянном доме вблизи железной дороги.

Геолог не любил сидеть на месте. Он все время бродил по городу и полям вокруг него и брал с собой в спутники девушку — дочь машиниста — Таю и меня.

Иногда с нами ходила и его сестра Нина Дмитриевна — строгая на вид, но добрая и близорукая сорокалетняя женщина, очень решительная в своем медицинском деле и влюбленная в это дело, как был в него влюблен и ее отец.

Слава о нем, как о бескорыстном и самоотверженном докторе-исцелителе, жила еще долго после его смерти в Ливнах, в Ельце и в самом Орле.

К отцу вдова его и дети относились с благоговением. Память его почиталась не только за его врачебный талант, но и за то, что он был из числа народников и боготворил Чернышевского. В кабинете доктора, где мне стелили на диване, висели фотографии юношей, похожих на писателя Гаршина, с длинными волосами и курчавыми бородками, и девушек в черных и тугих шелковых корсажах с буфами и гладкими прическами.



У всех девушек были открытые, очень русские лица и серые глаза. Конечно, на фотографиях цвет глаз разобрать было нельзя, но так мне казалось. Этот цвет глаз очень шел к чуть заметным улыбка на губах этих девушек и к их приветливым лицам.

Сам я вырос в семье с неустойчивым и беспокойным бытом, с разнокалиберной обстановкой случайных квартир и, может быть, поэтому чувствовал необыкновенную любовь к таким домам, как у Шацких.

В этих домах, как выражались в старину, можно было «отдохнуть душой». Тишина, изредка украшенная смехом и голосами молодежи, спокойствие и легкая суета праздников, старые диваны, над которыми склонялась тень фикусов, вечерний и непонятно почему успокаивающий писк керосиновых ламп, много старых книг и журналов, легкий запах лекарств, как и должно быть в доме врача. Сад за окнами, а за садом — железная дорога, станционный переезд, редкий перестук товарных поездов и громкое пыхтение старых паровозов. Мне всегда казалось, что вблизи станции они нарочно пыхтят так напряженно и так добросовестно работают шатунами, чтобы показать, какие они незаменимые работяги. Милый запах вечернего чая, смешанный с легким самоварным паром, какое-нибудь всегда особенное варенье («Вы не верите, Тая достала в Орле десять кило сахарного песку») — то из китайских яблок, то из ежевики — все это и еще сотни мелочей создавали уют, без которого плохо жить человеку. Уют этот одно время принято было ругать — он, мол, «обволакивает и успокаивает людей».

— Ну и слава богу, что успокаивает, — говорила старушка Варвара Петровна, — хоть подумать и прийти в себя будет время. А то среди ваших этих вопросов и, как их там, проблем, что ли, недолго и здоровье совсем потерять. Выпейте лучше чайку с вишневым вареньем да сходите в кино. Там, говорят, представление идет замечательное про какого-то закройщика из Торжка. Тая прямо обхохоталась.

Из окна докторского кабинета виднелись такие дали и такие мягкие, округлые взгорья, что даже замирало от взгляда на них сердце. А у подножия этих далей, у валов, оврагов и взгорий широкой (по весне) лентой протекала под железнодорожный мост река Быстрая Сосна.

Она действительно была быстрая, струистая, несла последние коричневые льдины, шуршала, особенно громко по ночам, и с каждым часом подымалась, качая и затопливая кусты лозняка.

На ветках лозы тесно сидели, как крошечные воробьи с желтыми грудками, пушистые почки-«барашки». Они распушились как раз к вербному воскресенью.

Вдоль берега реки снег уже стаял, но подальше, на краю поля, он еще лежал толстым покровом.

Геолог объяснял это тем, что Быстрая Сосна протекает у Ливен в мощных пластах девонского известняка, а этот известняк будто бы хранит в себе тепло далеких многомиллионных эпох. Это тепло сочится непрерывно из земных недр и отравляет жителей Ливен.

Поэтому, по словам геолога, в городке до сих пор, на седьмом году революции, еще много диких поверий. Он рассказывал, что бесплодные ливенские женщины покупают у рыбаков живых щук, пускают их в корыто с водой и долго — не меньше, чем два часа, — смотрят, не отрываясь, в желтые и злые щучьи глаза. Говорят, помогает. А старухи грызут от зубной боли куски известняка с могил юродивого Петьки-Петушка. Тоже, говорят, помогает.

Тая только вскрикивала и с испугом взглядывала на меня, боясь, что я могу этому поверить.

Когда геолог заговаривал о девонском известняке, Нина Дмитриевна делала мне незаметный знак, чтобы я слушал, но не возражал. А старушка Варвара Петровна начала дрожащей рукой разглаживать скатерть на обеденном столе.

Губительное дыхание девонского известняка было той легкой и безопасной манией, какой страдал геолог.

Но, в общем, геолог был человеком добродушным, молчаливым и никому не мешал.

На второй день моего приезда в доме выставили рамы. Сырой разогретый сад дохнул в комнаты слабым запахом ванили, напоминая, что приближается осень.

На подоконниках обывательских домишек зеленой сочной щеткой прорастал в площадках овес.

Старухи плелись на кладбище с поминальными веночками из крашенных стружек — цветов еще не было, они не распустились.

Цветы и венки из стружек делали очень искусно (особенно большие лоснящиеся розы) ливенские мастерицы. Они даже славились этим на всю округу. Красили стружки анилином — ярко и неприятно.

Каждый день геолог гулял за городом с Таяй и со мной.

Тая была хромая, милая девушка с толстой русой косой и светлыми круглыми глазами. У нее была какая-то болезнь щитовидной железы (по словам геолога, конечно, от излучения девонского известняка). Нина Дмитриевна давно ее лечила, надеялась вылечить окончательно и устроить после этого в медицинский техникум в Ельце.

Тая робко расспрашивала меня (геолога она немного побаивалась) о Москве, Черном море, о Крыме, о том, какие там растут деревья, и правда ли, что, поднявшись в горы, можно попасть в теплые облака.

Иногда она спрашивала меня, видел ли я Ленина и Льва Толстого, Горького, Маяковского и Шалапина.

Я выдумывал и говорил, что видел, хотя, кроме Ленина, Маяковского и Шалапина, никого не видел. Мне нравился восторг в ее глазах — она даже задыхалась и начинала пришепелять от волнения. Я рассказывал ей обо всем так, как ей бы хотелось услышать.

К счастью, геолог не обращал внимания на наши разговоры во время прогулок, а Нина Дмитриевна их не слышала, иначе мне бы здорово попало за обман.

Нина Дмитриевна была строжайшей ревнительницей правды во что бы то ни стало.

— У меня медицинский ум, — говорила она. — Я не понимаю, какая может быть польза для человека от выдумок, даже от самых приятных. Любая правда лучше их. И человечнее.

Я с ней не спорил, но правым считал, конечно, себя.

Рисунки В. Высоцкого.







\* \* \*

В воскресный день во время прогулки мы встретили за городом на берегу Быстрой Сосны молоденького красноармейца. Он сидел на сухом бревне и вырезал из куса ивовой ветки жалейку — простую пастушью дудочку.

Когда мы поравнялись с ним, он встал, как перед старшими, и вытянулся.

— Вот! — сказал он смущенно и покраснел. — Здравствуй! Режу тут... Балуюсь помаленьку...

Мы присели на бревно, закурили. Красноармеец все стоял, не решался сесть с нами, пока Тая не потянула его за рукав шинели и не заставила сесть. Жалейку и нож он поспешно спрятал в карман шинели.

В Ливнах стояла какая-то воинская команда. Красноармеец был, должно быть, из этой команды.

— Новобранец? — спросил его Алексей Дмитриевич.

— Так точно! — охотно ответил красноармеец. — Касьян Звонарев. Сам я олонецкий. Тут я недавно.

С давних пор Олонецкий край привлекал меня. Мое увлечение географией России шло наплывами: то я читал заповед все, что мог достать о Белоруссии, потом — о Закаспийских степях, а одно время увлекался Севером, зачитывался строгой и неторопливой книгой Максимова «Год на Севере» и описаниями северных монастырей.

— Был один хороший человек — Касьян с Красивой Мечи, — сказал Алексей Дмитриевич и улыбнулся, что бывало с ним очень редко. — А ты будешь теперь у нас Касьяном с Быстрой Сосны. Согласен?

— Да не очень, — ответил красноармеец. — Я, вернее, Касьян из Звонезья. Может, слышали?

— Слышали. Гранитная страна, — сказал Алексей Дмитриевич, — полуостров на Онежском озере.

— Вот-вот! Граниту у нас много. И озер. Да не в этом наша сила.

— А в чем же? — спросил я.

— В плотницкой работе. У нас избы рубят без гвоздей, на одних шипах. И церкви рубленых сколько хошь. Ученые приезжали, считали, считали, сбислись — так и уехали, не считавши. У меня дед — плотник, батя мой — плотник, я сам — плотницкий ученик, а бабка моя — первая помощница наших мужиков по плотницкому делу.

— Неужели старуха плотничает? — удивилась Тая.

— Да нет, не то. У нас избы все в кружевах, как в полушалках. Понимаете? В деревянных кружевах. И каждый тщится, чтобы была у его избы иная лепота, иной узор, чем у соседа. А чтобы узор по дереву составить, для этого особый дар нужен. Большой дар. Бабке он даден, этот дар. Она такие узоры намечает, что не всякий и выпилит. Даже большие мастера отступались, не осмеливались те узоры осилить.

— А как же она работает? — спросила Тая.

— Сначала тоскует. Сидит иной раз до полуночи на крылечке, на востоке в избу, все томится. Ночи у нас по лету все в свету, в белизне. В такие ночи дыхание у человека воздушное, как сквозь сон какой-то. Посидит вот так, потоскует, потом заплет про себя чего-нибудь старинное-престаринное, протяженное, но не церковное, а общее, стародавнее. Из новгородских времен. А спевши, возьмет уголек и рисует на чем ни попало узор. И у всех у них, у этих узоров, есть имена. Один называется «Свиток», другой «Травница», третий «Петушинный переклик».

Он помолчал.

— Ой, разболтался я, прощения прошу.

— Девон источает яд, — строго сказал Алексей Дмитриевич, — а граниты, гнейсы и все эти крупнозернистые магматические породы выдыхают силу, зоркость, упорство. В этом вся соль.

— Народ у нас, действительно, зоркий, — согласился Касьян. — Поэтому наших больше берут во флот, в мореплавание. Один я обчелся, заслали меня в эти поля да овражины. И река тут мутная, глины много.

— Вы бы сыграли, Касьян, — попросила Тая. — На вашей дудочке.

— Извольте, если желаете.

Красноармеец вынул жалейку, долго ее осматривал, вертел в пальцах, потом поднес к губам и заиграл жалобно, тонко, будто какая-то залетная птица призывала кого-то, просила прислушаться к ее птичьей беде. Мы сидели, слушали.

Потом Касьян, гремя тяжелыми сапогами, проводил нас до железнодорожного переезда, попрощался, за что-то поблагодарил и ушел.

— Жалко его, — вдруг сказала Тая. — Совсем мальчик. И бледный очень.

— Это от весны, — ответил геолог. — В ливенском весеннем воздухе особенно много девона.

Мне казалось, что все в этом северном мальчике было от весны — и бледность и смущенный ласковый взгляд, главное — тихое пение жалейки. Как будто звенели под сурдинку слабые весенние стебельки и проснувшиеся после зимы соки разных растений.

Вскоре я уехал из Ливен, но эти несколько дней весны я долго не мог забыть. Есть такое слово «светлость». Помните, у Тютчева: «Есть в светлости осенних вечеров»? Все дни в Ливнах были наполнены этой светлостью, как солнцем.

Однажды Алексей Дмитриевич вошел в кабинет, где я лежал на диване, и высыпал на письменный стол из картонной коробки много фотографий.

— Хотите посмотреть места, — спросил он, — куда вам нельзя никогда ездить?

— Почему?

— Потому что при вашем цвете глаз и волос вам опасно спускаться ниже 45-й параллели. Я геолог и точно это знаю. Смотрите, тут такие наглядные пласты пород, складки, свиты и обрывы, каких нет нигде больше ни в Европе, ни в Азии. Смотрите спокойно и не пугайтесь. Если захотите, я вам кое-что объясню.

Он ушел, загадочно улыбаясь. Я встал, сел к столу и взял в руки первую же большую фотографию.

Под ней была надпись: «Порог Усть-Урт. Вид с северо-запада, со стороны Мангышлака».

Я всмотрелся в фотографию, и меня взяла оторопь.

В необыкновенной ясности воздуха над глинистой пустыней, усеянной мелкими сухими камнями, вздымалась отвесная черная стена, высотой в 200—300 метров, — гладкий порог, как бы срезанный ножом исполина.

Казалось, что в этом месте пустыня раскололась и неведомые силы подняли половину ее к небу гигантским домкратом.

На отвесной этой стене не было ни трещин, ни следов водомоин — то была совершенно девственная стена, будто только что возникшая здесь, несмотря на многие тысячелетия, безусловно, прошедшие со времени ее образования.

Так иногда подымается над землей в безоблачном свете неба, в чистой его синеве черная, как мировая ночь, глухая, могучая и молчаливая — грозовая или ураганная — туча, резко отделенная от остального мира.

Но в этой сухой туче нет ни всплеск молний, ни рокота грома, ни признаков далеких вихрей в виде косматых сосков пыли, припадающих к земле.

Усть-Урт! Я знал, что на восточном берегу Каспийского моря лежит это недоступное и смертоносное плоскогорье, похожее на могильную плиту с периметром в несколько сот километров. Туда нет никаких дорог.

Вопреки словам Алексея Дмитриевича мне не стало страш-



но. Наоборот, жадное любопытство охватило меня, жестокое желание увидеть эти места лицом к лицу и почувствовать не страх, а какой-то непонятный восторг перед грозным одиночеством этих скал, раскаленных солнцем.

Очевидно, такое же состояние может охватить человека при зрелище катаклизмов, космических катастроф, извержений и великих ураганов, меняющих в одно мгновение знакомый облик земли.

То был застывший катаклизм.

В лупу можно было рассмотреть на краю этой стены белеющий над обрывом скелет верблюда. И ни одной травинки. Даже чий — закаленное полумертвое растение пустыни — не рос нигде, сколько я его ни искал.

«Ад! — подумал я. — Ужас и одиночество».

В этом зрелище было что-то могучее, захватывающее, будто я стоял на краю бездны.

Я вспомнил недавний разговор с Ильфом в «Четвертой полосе» «Гудка». Говорили о путешествиях, и Ильф вскользь сказал:

— Чтобы взять от путешествий все, что можно, нужна большая психическая выносливость.

— Люблю афоризмы! — заметил Олеша. — Особенно из уст великих путешественников Джемса Кука и Ильи Арнольдовича Ильфа.

Ильф не рассердился.

— Юра, — сказал он убежденно, — вы же не собираетесь всю жизнь гулять в панаме по померанцевым рощам Сицилии или срывать лилии в пышных королевских садах Версаля. Что, если вам придется попасть в такие окаймленные места, как, скажем, Антарктика или пустыни Китая? Семьдесят градусов скрипучего мороза или паршивая колючая пыль, что будет хлестать вам в лицо несколько суток подряд. Надо это увидеть, выдержать, запомнить. И не проситься домой, до мамы. Так рождаются великие характеры и мужественные души. Иначе не стоит брать в руки гусиное перо.

Я вспомнил эти шуточные слова Ильфа и подумал, что я непременно поеду на восточный берег Каспийского моря и увижу эту омертвелую землю, как бы испепеленную мировым пожаром. И выдержу. И напишу.

Тем сильнее и преданнее я буду любить потом каждый серый денек у нас в средней России — тот самый, что помаргивает дождиком и пахнет мокрыми лопухами.

Мне казалось, что свою старую любовь к обыкновенной земле я усилию, укреплю, доведу до предела, только испытав отчаяние этих бесплодных пространств, непригодных для человеческой жизни.

Я рассмотрел все остальные фотографии. Все они были очень выразительны и даже величественны. То были снимки берегов Карабугазского залива на Каспии.

Я ничего о нем не знал и даже не представлял себе, где он находится. Но он уже неудержимо тянул к себе своей дикостью, какой-то явной тайной, скрытой в его мгlistых пространствах. Тайна была. Я это чувствовал.

Потом Алексей Дмитриевич скупно и странно рассказал



мне о Кара-Бугазе. В его рассказе действительность была спутана с легким бредом. Но это, пожалуй, только усилило мой интерес к этому неведомому месту. После его рассказа загадочный туман кое-где поредел, а кое-где стусился.

Я узнал, что залив этот похож на исплинский конденсатор соли и что вся местность вокруг него никем не исследована.

Так впервые в тихом, провинциальном доме, где застенчиво цвел на окнах бальзамин, родилась мысль о книге, целиком взятой из реальной и суровой, даже жестокой жизни. Я начал много думать об этой книге и готовиться к поездке на Мангышлак и в Кара-Бугаз.

А когда через три года мне удалось совершить эту поездку и начать писать книгу, я второй раз приехал в Ливны. В силу чего — не знаю. Может быть, в силу прямой противоположности ливенских мест закаспийской пустыне. В Ливнах все было на старом месте — старушка Варвара Петровна, и Нина Дмитриевна, и геолог, и Тая, и даже Касьян из Заонежья.

Он остался в Ливнах на сверхсрочную службу, как мне казалось, из-за Таи, возмужал, загорел и перестал быть похожим на хилого северного пастушка.

Мне легче было писать о Кара-Бугазе в дремоте старого дома под непрерывную переключку слободских петухов, под ровный звон дождевой воды, лившейся с крыши в старую бочку, поглядывая за окно, где сквозь облака просвечивало по временам нежаркое и безопасное солнце.

## Стихи наших читателей

Л. ОВСЯННИКОВА

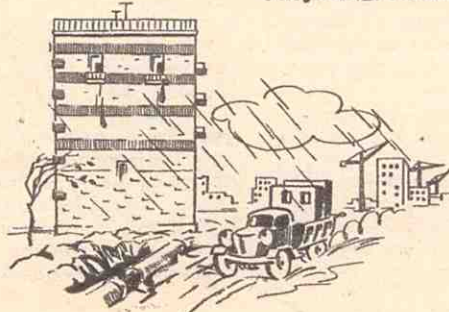
### Осень

Осень — холодно и мокро.  
Улица насквозь промокла,  
Стены зябко ежатся,  
Шляпы крыш коржатся,  
Плачут стекла струйками,  
Водостоки булькают.

Тротуары, мостовая  
Грязью хлюпают, вздыхая:  
«Насорили, навезли —  
На асфальте слой земли!»  
Но грохочет самосвал —  
Мостовую разругал:  
«Знай работой, не вздыхай,  
Спину шинам подставляй!»

Эй, домина, хватит плакать.  
Ишь, развел какую слякоть!  
Завтра рано поутру  
Я соседа приведу —  
Встанет рядом, за углом,  
Блок за блоком новый дом!»

Рисунок В. Глобова.



Александра ЛАРКИНА

### Дочка учит уроки

Опять наука замыкает круг —  
От азбуки, таблицы умноженья  
До логарифмов, секторов и дуг,  
До линии большого напряженья.

Опять даются правила не все  
Легко, запоминаются не сразу.  
Стихами о нескатой полосе  
Впервые дочку взволновал Некрасов.  
Опять в тетрадках цифры да нули  
И сочиненья про весну и зиму.

Но мы учили:  
атом неделим, —  
А дочка знает все про Хиросиму.



## ПРЫЖОК

Пока самолет набирает высоту, к его иллюминаторам льнут лица: интересно — назад уплывают дома, дороги. Все медленнее движутся по серой полоске шоссе крошечные машины, затем из-под крыла начинают однообразно тянуться поля или леса; смотреть становится скучно.

А вот я не могу оторваться от круглого окошка. Далеко-далеко подо мной темнеет тайга, и нет ей, кажется, ни конца, ни края. Мне становится обидно, что соседи по самолету не видят вон той зловеще черной прогалины у серебристой ленточки реки, не представляют себе страшного лесного бедствия, не знают тех, кто еще совсем недавно боролся здесь с огнем, не знают и о том, что всюду, где есть леса, в эту минуту несут свою героическую службу люди малоизвестной профессии — лесные пожарники.

Они прыгают с парашютами, высаживаются из вертолетов и пробиваются навстречу огню. От запаха дыма бегут звери, с криком летают вокруг гнезд встревоженные птицы... Небольшие, так называемые низовые пожары обычно тушат быстро. Не успевшее еще подняться к кронам деревьев пламя захлестывают пучками веток, забрасывают землей.

Со всем по-другому выглядят пожары верховые. Скорость их продвижения достигает двадцати пяти километров в час. От верховика не убежишь, не спрячешься.

Как же тушится такой пожар? Пожаром!

На заранее выбранной позиции люди готовятся к встрече с огнем. У лесного ручья, глухой тропки взрывами прокладывают заградительную полосу, от которой в нужное время навстречу пожару люди зажгут спасительный огонь. Это очень напряженный момент. Старший внимательно следит за дымком сигареты в своих пальцах. Наконец эта тонкая синеватая струйка начинает колебаться, затем постепенно склоняется в сторону приближающегося рева и треска. Пора!

Вдоль линии воронок бегут люди с красными баллончиками за плечами. В руке каждого шланг с горелкой — это зажигательные аппараты. Вспыхивает заранее собранный в кучи валежник, а там горячий, смешанный с пеплом воздух сведет оба пожара. Еще долго станут с оглушительным грохотом разлетаться раскаленные головешки, стрелять лопающиеся стволы, но стихия вынуждена будет смириться...

С Ириной Алексеевой я недавно познакомился на Забайкальской базе лесной авиации. Под ее руководством курсанты-пожарники укладывали парашюты, проверяли личное снаряжение: лопатки и грабли без черенков, взрывпакеты, ножи. Тут я и узнал об этой удивительной женщине то, чего теперь нельзя не рассказать.

\* \* \*

— Мама!

— Я здесь, Валюша. Спи, маленькая.

— Мама, ты больше не полетишь в лес? Там волки, да?

— И волки, и медведи, и всякие звери. Спи, доченька... Ну, чего куришь в комнате, Жень? Хуже маленького, честное слово.

— Ладно, не шуми. Я вот о чем думаю, пора тебе, в самом деле, уходить с нашей работы. Хватит, Ира! Чего молчишь?

— Что ж говорить?

— Второй будет, тогда уж не распрыгаешься. Дома пока поспишь, а там посмотрим.

Утром на базе Ирина смотрела, как товарищи по работе готовились к отъезду на аэродром, и хмурилась своим мыслям. Оказывается, совсем незаметно прошло целых десять лет. Десять лет после выбора профессии — и вот приходится с ней расставаться.

А началось все в сорок шестом. Хотя нет, раньше, в сорок третьем. Шестнадцатилетней девчонкой пришла в горвоенкомат и попросилась в авиационное училище. Взяли и... направили в Читу, в школу военных шоферов. Потом нескончаемый резерв в глубоком тылу, военные дороги и снова маленький домок на самой окраине Иркутска.

Когда впервые поднялась на аэроклубовском «кукурузнике», то так и не смогла отыскать на земле этот знакомый с детских лет домок.

Однажды прочитала в газете объявление о приеме на курсы парашютистов-пожарных и испугалась. Испугалась сразу всего: и что так неожиданно повезло в жизни, и что не примут, и что засмеют. Называла себя последней дурой за трусость, но все-таки пошла.

По дороге, помнится, встретила подружку из аэроклуба, Машу Устинову. Та будто нарочно не отставала ни на шаг всю дорогу и болтала о каких-то пустяках. В конце концов обе пришли по указанному в объявлении адресу и рассмеялись. Действительно, вдвоем уже было гораздо веселей.

Служба в лесной авиации оказалась просто-таки необыкновенно интересной.

Первый самостоятельный прыжок на пожар делала с группой из трех человек. Сбрасывали в то время со стареньких «ПО-2». Маленький самолет изрядно болтало, валило с крыла на крыло, и парашютист осторожно вылезал из гнезда кабины.

Ирина любила эти волнующие мгновения: стоя на крыле, ждала знака пилота. Ветер рвал комбинезон, стлкаявал в пустоту, а там, далеко внизу, медленно проплывала тайга.

В тот раз Ирина, как назло, приземлилась неудачно. Был ветер, ее снесло на лес. Помнит только, как быстро приближались верхушки деревьев, — скалалась вся, заслонила локтями лицо и мягко скользнула по еловой хвое. Обычного толчка о землю не почувствовала, но падать как будто больше не падала — ляжки парашюта туго стянули ноги, — лишь тогда поняла, что безнадежно зависла.

До земли оказалось далеко: метров семь. До ствола ели, на макушке которой зацепился купол парашюта, — метра полтора, не больше, но рукой не достать. Звать на помощь товарищей или ждать их прихода не хотелось. Принялась раскачиваться.

Раскачивалась до тех пор, пока руками и ногами не обхватила ствол дерева. Вынула из-за голенища сапога нож, обрехала стропы и, обжигая ладони, съехала вниз.

После той памятной для Ирины высадки ребята как-то негласно приняли ее в свой мужской коллектив. Она тогда как следует и не поняла, что ни в чем не уступала товарищам: так же, как они, задышалась в дыму, так же зачищала лопатой заградительную полосу и поджигала от нее навстречу пожару валежник, так же, как они, молча тащила на себе в обратный путь тяжелую сумку с парашютами, переходила вброд холодные горные речушки и, если слышала хорошую дружескую шутку, щедро улыбалась.

Там же, в тайге, встретила она своего суженого. Столько раз вместе прыгали на задымленную тайгу, били пешней шпурсы для взрывпатронов, поджигали огнепроводные шнуры и падали за валуны, деревья.

После тушения пожаров лицо Жени Алексеева всегда становилось темным от копоти и пыли. Они вместе пили из таежного ручья прозрачную, студеную воду, и она вытирала платочком его лоб, глаза, щеки, губы... Потом они смеялись или слушали тайгу.

И вот теперь, почти десять лет спустя, у них был свой дом. Стоял он в Улан-Удэ на левом берегу широкой Селенги — бревенчатый, новый, веселый.

Вечером муж пришел домой расстроенный. Несколько раз выходил на крыльцо курить, потом сказал:

— Потапов опять не прыгнул. Вот трус!

— Обещал же, — удивилась Ирина.

— Обещал. А в воздухе уперся — и ни в какую. Велел ему, чтоб завтра рапорт писал. Хватит его катать.

Потапов был курсантом. Коротко остриженный, розовощекий, он с какой-то жадностью хватался на базе за любую работу. Охотно прыгал с двухметрового трамплина, кажется, лучше остальных курсантов выполнял упражнения на кольцах, перекладине, да и спецдисциплины ему давались легко. А с прыжками что-то все не ладилось.

В первые зачетные прыжки болел. Потом Потапов поднялся со всеми в воздух, подошел в самолете к двери — и остановился. Так и не прыгнул.

Говорила с ним Ирина после того. Искусал парень в кровь губы, хриплым голосом дал слово выброситься. И вот опять...

На следующий день она пришла на базу раньше обычного. Долго не могла найти Потапова. Отыскала за гаражом. Села рядом на старую автомобильную раму и после продолжительной паузы спросила:

— Куда ж теперь податься?

— Не знаю, — одними губами прошептал Потапов.



# НА ПОЖАР

— Жалко уходить?

Парень кивнул и вдруг горячо заговорил:

— Не могу я теперь никуда, Ирина Сергеевна! Понимаете? Это же была моя мечта! Понимаете: мечта на всю жизнь! Ну куда я теперь пойду такой? Трус! Подлый, несчастный трус! Мне бы, Ирина Сергеевна, один только раз прыгнуть, понимаете? Один разочек, а там пошло бы, я знаю! Просил же ребят, чтоб толкнули... Товарищи, называется!

— Выталкивать, Потапов, нельзя.

— Знаю, что нельзя. Эх, Ирина Сергеевна, сейчас бы я, кажется, прыгнул! Вот клянусь, что прыгнул бы!

— Ну хорошо, — неуверенно согласилась Ирина. — Попробуй.

— А разрешат? Я ведь рапорт...

...Самолет поднялся быстро. Будущие парашютисты-пожарники должны привыкать прыгать с минимальной высоты — четырехсот метров. Ирина с надетым, согласно инструкции, маленьким запасным парашютом тревожно поглядывала на сидящего среди курсантов Потапова.

В круглые иллюминаторы было видно, как накренилась земля, — это самолет делал последний вираж перед началом высадки. Обрамленное шлемом лицо Потапова спокойно. Может, несколько бледнее, чем всегда.

Гудит сирена. В тот же миг на задней стенке пассажирской кабины загорается желтая лампочка: «Приготовиться!» Открывают дверь. Кабина моментально наполняется гулом мотора и ветра. К двери подходит курсант. Снова сирена — зажглась зеленая лампочка. Первый прыгнул. За ним второй, третий, четвертый...

Ирина старается не смотреть на Потапова и все-таки видит, как он медленно встает с сиденья. Слишком медленно.

— Давай! — кричит ему Ирина.

Потапов, не подходя к распахнутой двери самолета, останавливается и отрицательно трясет головой. Лицо его мокро.

На задней стенке пассажирской кабины вспыхивает красная лампочка: прыгать запрещается. Самолет вышел из зоны выброски парашютистов. Инструктор захлопнул дверь.

Ирина поднимается на ступеньку в кабину пилотов. Оттуда выглядывают двое в наушниках. За кругляками иллюминаторов накренилась земля. Сигнал — желтая лампочка. Опять в распахнутую дверь пассажирской кабины врывается смешанный с гулом ветер. Ирина берет руками за рамку, мгновение колеблется, оглянуться ли на Потапова, и отталкивается.

Расставив в падении руки и ноги, она привычно отсчитывает секунды. Тянувшая вдоль летного поля дорога быстро ширится, на ней уже отчетливо проступает выезженная колея... Рывок правой рукой — лямки на груди и бедрах натянулись, над головой с треском раскрылся парашют, и все остановилось. Ирина как будто неподвижно повисла в воздухе.

Знакомое обманчивое ощущение. Спуск стремительный, нужно быть начеку, земля приближается с каждой секундой. И все-таки успела осмотреться, отыскивая вверху самолет. Он уходил к аэродрому, а в стороне от него, значительно выше нее самой, висел большой белый парашют.

Уже погасив на земле купол, расстегнув лямки, она с приложенной ко лбу ладонью всматривалась в парашютиста. Потом бросилась бежать к месту его приземления.

Навстречу ей, путаясь в стропах собранного в оберемок парашюта, бежал Потапов. Он что-то кричал.

— Потапчик, милый!.. — повторяла она радостно на бегу.

— Вы видели, Ирина Сергеевна?! Видели?! Хотите, я сейчас еще раз, а?

...В тот год у Алексеевых родилась вторая дочь, Светланка. Всю зиму Ирина ходила гулять с малышкой на парашютную базу: скучала все же по своим. А там пусто, бело. До весны парашютисты-пожарники в отпуске. Ирина за долгие месяцы вынужденного домоседства побелела, стала круглее, свыклась уже, кажется, с новым укладом жизни. Да тут пришла весна, с запахами оттаявшей хвои, с бескрайней синевой неба над головой...

Нянька попалась хорошая, заботливая, чистоплотная. Но, вылетая на свой первый в том году таежный пожар, Ирина без конца думала об оставленных на руках чужого человека



Рисунок А. Лурье.

дочурках. И потом, через год, на второй, пятый, всегда думала о том же. Что и говорить, профессия у нее оказалась не очень удобной!

Да и о каком удобстве могла идти речь, если в один из последних прыжков парашют Алексеевой вдруг попал в восходящий воздушный поток — для Забайкалья явление обычное. Земля перестала приближаться, затем стала уползать куда-то в сторону, а когда под ногами заблестела серая, испещренная рябью река, Ирину так же внезапно бросило вниз.

Наверное, вода была слишком холодной, у Ирины перехватило дыхание. Но, вынырнув, она стала торопливо тянуть к себе часть стропов: ни за что нельзя было давать парашюту осесть на воду. Обмякший перкалевый купол тотчас же упруго округлился, натянул стиснутые в руках мокрые стропы и потащил Ирину по реке. Так и вынес ее белый парус на противоположный берег.

Заплакала Ирина тогда на пустынном берегу реки. Заплакала совсем по-женски. От обиды. Точно так же, как иной раз не выдерживает швея, у которой без конца рвется проклятая нитка, или доярка у опрокинутого коровой подойника с молоком.

Конечно, не всегда рвется нитка у швеи и каждая доярка приравнивается к самой бодливой корове. Так и в Ириной профессии: сама она и ее товарищи буднично, незаметно делают свое важное дело — охраняют неоглядные лесные богатства от пожаров.

г. Улан-Удэ.



## И настроение лучше...

Если спросить у рижан, какие изменения произошли в Риге за последнее время, то в конце своего длинного перечня они обязательно скажут: «...и людей с плохим настроением стало меньше».

Нет, это не шутка.

Ведь очень часто настроение у человека портится из-за разных бытовых неудобств, мелких неурядиц. И сейчас работники службы быта Латвии делают очень много для того, чтобы этих неприятных мелочей оставалось все меньше и меньше.

Стоит поднять трубку, набрать номер телефона «Бюро добрых услуг», как с плеч свалится сразу несколько забот. К вам придут убрать квартиру, вам заготовят дрова. По вашей просьбе доставят подарок или цветы вашим друзьям. А няни... Матери нужно срочно куда-то пойти. С кем оставить ребенка? Снова звонок в «доброе бюро», и уже через час-два в дверь стучится няня. Раньше заказ на этот вид услуг принимали только за сутки.

Недавно в городской газете «Ригас Балс» появилось объявление: «Принимаем в стирку детские пеленки. Срок выполнения заказа — 48 часов». Нетрудно догадаться, сколько радости принесло это многим молодым мамам. Позаботились о них работники первого банно-прачечного предприятия, которым руководит И. Тымшане.

Идет человек по улице. Споткнулся, оторвался каблук. Что делать? Такая беда рижан больше не волнует. В городе есть несколько мастерских срочного ремонта. Скоро появится еще одна. Работники городской службы быта предполагают открыть при новой мастерской небольшое кафе. Выпил чашку кофе, почитал газету — и, пожалуй-

ста, получай починенную, вычищенную обувь. Удобно и приятно.

Перестал быть неразрешимой проблемой и ремонт плащей из пластика. Раньше бывало так: порвется плащ — и выбрасывай, починить негде. Сейчас две фабрики по индивидуальной пошиву одежды получили оборудование для ремонта плащей с помощью токов высокой частоты.

Приятные неожиданности встречаются рижан и в ателье. Местные портные охотно откликнулись на призыв московской закройщицы тов. Снежковой экономить каждый рубль заказчика. В ателье мод № 1 закройщица тов. Юрисон часто шьет женское пальто из двух метров ткани вместо обычных 2,5 метра. Экономленными таким образом денег клиенту хватит и на подкладку.

Среди новых предприятий бытового обслуживания, которые скоро откроются в Риге, интересна фабрика срочной химчистки. Пятно на одежде здесь можно будет вычистить за полчаса.

Очень ценно, что служба быта проникает и в сельские уголки республики. В Цесисском районе открыто 42 пункта, где принимают в стирку белье, заказы на шитье одежды, ремонт обуви. В каждый из этих пунктов два раза в неделю приезжают машины с надписью «Служба быта». Цесисский комбинат едва справляется с заказами. Его услугами пользуются женщины 32 колхозов и совхозов. У них появилось больше времени, свободного от хлопотливых домашних дел, которое они отдают детям, учебе, отдыху.

Иева РОЗИТЕ  
г. Рига.

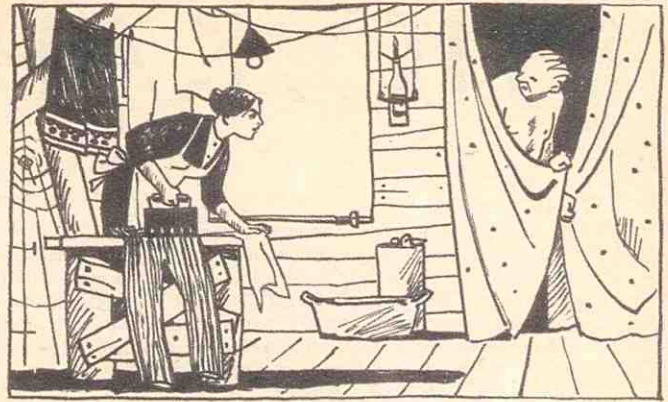


Рисунок М. Петрова.

## Почему?

В голосе приемщицы цеха химчистки Екатерины Борисовны Белоус звучит зота извинения:

— Срочной чистки не делаем. Покрасить можем. Но... большой срок...

Когда же заказчики через две, три недели придут за своими вещами, то извиняться перед ними приходится еще больше:

— Понимаете, черная краска у нас одна, для шерстяных вещей... А ваша кофточка, видимо, не из чистой шерсти. Вот и покрасилась неровно...

Целый день приемщица вынуждена успокаивать посетителей. А в ответ на множество «почему»: «Почему долго? Почему плохо? Почему дорого?» — вводить их в тайны технологии.

А «тайн» немного. Входиль в красивую и попадаешь в густое облако пара. Только через некоторое время удаётся разглядеть обстановку. Три ванны, обыкновенные печки, обогревающие их, центрифуга для отжима. Вот и все оборудование. Никаких современных машин и приспособлений. Все делается по старинке, вручную. Так могла бы сделать любая хозяйка у себя дома.

Вдобавок ко всему антисанитарные, опасные, с точки зрения правил техники безопасности, условия работы.

Двенадцать лет работает здесь Елизавета Филипповна Клячковская. Недавно она побывала в красивенькой Калининградской химчистке, была в Клайпеде... Стало обидно: там хорошо, а тут...

Даже утюги здесь только ручные. Попробуй вы-

глади тяжелую вещь. А сушить крашеные изделия тоже негде, приходится носить их... на чердак.

На этот же чердак отправляют и клиента, если он вдруг пожелает примерить починенную одежду, потому что в комнатке, где сидят мастера, тесно. Нет ни одного свободного уголка, чтобы сделать хотя бы передвижную примерочную. Негде поставить лишний стул, манекен. Теснота мешает работать, из-за нее небрежность, брак.

У входной двери приютился маленький стол. Мастер-скорняк Клавдия Ивановна Юрченко пытается разложить на нем мутоновую шубу. Шуба не умещается на столе и падает на пол...

Нет, не удовлетворяет такое положение дел на комбинате бытового обслуживания в г. Советске ни его работников, ни тем более клиентов. А ведь услугами комбината пользуются не только горожане, приезжают сюда рыбаки из дальних совхозов, жители близлежащих районных центров — Немана, Краснознаменска, Гусева.

Уже четыре года в Калининградском облисполкоме ведутся разговоры о строительстве нового предприятия химчистки в Советске. Давным-давно есть средства. Но... до сих пор в планы областных строительных организаций эта стройка не включена.

Почему?

Л. СЛЕСАРЕНКО,  
член областного штаба  
«Комсомольского  
прожектора».

г. Советск,  
Калининградской области.



# Контролер идет по городу

Утром в городском торговом отделе раздался телефонный звонок:

— Приезжайте, посмотрите, как в нашей столовой с хлебом обращаются.

— Хорошо. Приедем.

Он необычен. Этот отдел Волжского горисполкома. В нем нет ни одной штатной должности — все работают на общественных началах.

Сотрудников — пенсионеров, рабочих и служащих-активистов — можно застать в отделе только рано утром, а чуть позднее никого не увидишь: все разошлись в магазины, буфеты, столовые.

Татьяна Константиновна Панова, заместитель заведующего отделом, собралась заглянуть в столовую абразивного завода — и вдруг этот звонок о хлебе из столовой № 24. Решила поспать и туда и сюда, а по дороге зашла в домовую кухню № 1. Побеседовала с хозяйками, поинтересовалась, что берут, что нравится. У витрины с удовлетворением заметила, что чищенных овощей и овощных полуфабрикатов стало больше.

— Ну, теперь ваша душевка довольна? — с улыбкой встретила ее заведующая кухней...

В столовой абразивного завода Татьяна Константиновна потребовала меню за неделю. Сигнал рабочих контролеров под-

твердился: готовят одни котлеты да каши.

— Посылали за овощами — не привезли, — начинают оправдываться работники столовой.

Панова тут же звонит на базу. Оказалось, что овощи на базе есть.

— Вот видите, — с укором говорит она, — и помидоры, и баклажаны, и тыква — все можно получить.

Уходя, Панова просит заведующего столовой ежедневно сообщать ей, сколько и каких овощных блюд приготовлено.

Осень принесла много забот торговому отделу. Общественники проверили, как прошла заготовка капусты, картофеля, помидоров, лука, моркови; в порядке ли овощехранилища; своевременно ли завозят овощи и фрукты в магазины. Выявили много недостатков, доложили о них на сессии городского Совета, и это принесло большую пользу.

Всего несколько человек во внештатном отделе торговли. И разве справиться бы им одним, если бы не добровольные помощники — рабочие контролеры? Они есть на всех заводах и фабриках.

Но далеко не всегда им рады работники общественного питания.

— Нет нам покоя от контролеров, — жалуется заведующая столовой Волжской ГЭС Л. Диденко.

— Мешают работать, дергают, — вторит ей повар-бригадир Е. Милицина.

Чем же так «насолили» рабочие контролеры администрации этой столовой? Может, несправедливы их требования?

Но вот, например, на что указали во время дежурства в столовой крановщица Клавдия Черникова и ее товарищи:

«Просим готовить больше блюд из овощей».

«Винегрет недоброкачественный, пришлось снять с продажи».

«Почему не готовят других гарниров, кроме рожков?»

Эти замечания говорят сами за себя.

Действительно, нет покоя от рабочих контролеров тем, кто плохо работает!

Пришла Татьяна Константиновна и в столовую № 24, откуда звонили утром. Заглянула в хлебоборезку — машина неисправна, кромсает хлеб. Куски летят в разные стороны, отходов не счесть.

Пристыдила Панова работников столовой:

— Как вы можете терпеть такое безобразие? Пока не исправите машину, режьте хлеб вручную!

Равнодушны нерадивые хозяева и к тому, как обращаются с хлебом посетители столовой.

— Вон сколько кусков хлеба на столах! — укоряет молодых строителей пожилая работница Серафима Васильевна Николаева. — Зачем так много берете, если съесть не можете?

— Что вам, наших денег жалко? — отшучиваются те.

— Да разве его растили, выхаживали, чтобы выбра-

сывать? — с гневом говорит им Серафима Васильевна. — Стыдно хлебом бросаться!

Сводить бы этих рабочих на Волжский хлебозавод, думает Панова, показать, как стараются там сберечь каждый грамм муки. Из граммов-то складываются килограммы, центнеры, тонны.

На хлебозаводе в посты содействия партийно-государственному контролю вошли лучшие работники: тествод Анна Уланова, засыпщица муки Надежда Гавриленко, пекарь Валентина Канкаева, экспедитор Любовь Битюкова. Они следят, чтобы грузчики аккуратно разгружали вагоны с мукой, бережно складывали мешки. И как муку в дежи засыпают, тоже приходится досматривать. Казалось бы, простое дело, а попробуй засыпать муку без воды — вокруг все бело будет.

Как-то проверили мешки, в каждом по 80—100 граммов муки оставалось. А мешков-то тысячи.

И у печей бывали общественницы и у автомашин, на которых хлеб развозят, — везде должен быть порядок, разумная бережливость.

Хлеб, овощи! Сколько труда потрачено на то, чтобы их вырастить! И как важно, чтобы не испортилось, не пропало ни грамм продуктов. Вот и заботятся об этом рабочие контролеры.

Над Волжским уже сгустились сумерки, когда Татьяна Константиновна возвращалась с работы. А завтра ее уже ждут новые дела.

Полина БЫХОВСКАЯ  
г. Волжский,  
Волгоградской области.

В редакцию пришло письмо

## Дед Мороз и нитяные перчатки

Группа женщин — кондукторов автобусов г. Якутска написала в журнал «Работница»:

«Мы работаем на неотапливаемых автобусах. Представляете ли вы, товарищи, что это значит зимой? Ноги отморазают, руки не гнутся, а губы не разговаривают. Нет обогревателей, и даже спецовку нам не выдают — одни только трикотажные перчатки. А ведь мы живем на Крайнем Севере, рядом с полюсом холода».

О нехватке обогревателей уже писалось в газете «Советская Россия». Недавно принято решение выпускать

специальные утепленные автобусы для Крайнего Севера.

Чтобы выяснить вопрос о спецодежде, редакция обратилась в ЦК профсоюза работников связи, рабочих автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР. Председатель этого союза разъяснил нам, что постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по труду и заработной плате и ВЦСПС в спецодежду для кондукторов автобусов входят только трикотажные перчатки, да и то лишь в тех автобусах, которые не отапливаются. При этом никаких исключений для

районов Севера не делается. Но разве можно сравнивать условия работы кондукторов на Крайнем Севере и на юге страны!

Нам кажется, что следовало бы ЦК профсоюза давно потребовать, чтобы этот вопрос был пересмотрен. Надо найти способ обеспечить кондукторов автобусов в северных районах страны не только перчатками, но и валенками, тулупами и другой теплой одеждой. Медлить нельзя. Сибирская зима уже наступила.

А. ВОЛКОВА,  
член общественного совета  
при редакции «Работницы».



# АТОМ В РАБОЧЕЙ

Г. ОСТРОУМОВ

**КАК-ТО** в один из госпиталей в Сан-Франциско доставили больного. Его сопровождала сильная военная охрана. Когда больной оказался в палате, у ее дверей встал вооруженный солдат.

Через пять дней человек, для ухода за которым были выделены особо доверенные врачи и сестры, скончался. Даже родственники не были допущены к нему в его последние часы.

Кто был он, этот человек? Ужасный преступник, приговоренный к смерти?

Нет. Он был всего-навсего скромным сотрудником Калифорнийского университета.

Это происходило в те годы, когда секрет получения атомной энергии был только что открыт. Хозяева империалистической Америки считали, что «новая эра» — это эра их самоуправления на земном шаре. Они хотели ошеломить мир, поставить его на колени, внезапно подняв над ним испепеляющее оружие. Потому так жестоко и обошлись с умирающим ученым, что он был причастен к секретам атомной бомбы...

Два десятилетия минуло с той поры. Советский Союз сорвал надежду американских империалистов на монопольное владение атомной бомбой. Наша страна идет во главе тех, кто борется за запрещение ядерного оружия. Олдермастонские походы в Англии, в которых тысячи простых англичан протестуют против атомных вооружений, Пагуошские конференции, где собираются крупнейшие ученые — сторонники мира, ежегодные встречи борцов за мир в Хиросиме — все это форпосты великого фронта наступления на атомную смерть, на угрозу термоядерной войны.

Все мы знаем, что на этом фронте недавно силы мира одержали важную победу — заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе. Но это первый успех. Надо еще потратить много сил, чтобы сломить сопротивление защитников термоядерной бомбы, чтобы окончательно избавить человечество от страха перед этим чудовищем.

**АВТОРУ** этих строк посчастливилось быть в числе тех журналистов, которые впервые осматривали советскую атомную станцию. Мы ходили по ее залам, осматривали реактор, вереницы приборов и без устали восхищались смелостью мысли ученых и конструкторов, заставивших атом рождать электрическую энергию.

Несколькими днями позже, уже в Женеве, я наблюдал, как на выставке «Атом — миру» сотни людей толпились у макета нашей атомной электростанции. Это были аргентинцы и французы, африканцы и австралийцы — люди со всех континентов. Они подолгу стояли у макета. Но совсем не потому, что хотели понять всю премудрость преобразования атомной энергии в электри-

ческую. В глазах этих людей светилось не столько любопытство, сколько простое счастье. Они видели первое убедительное доказательство того, что атом — это не только испепеляющее оружие, что он и помощник в труде, в мирной жизни. Люди были рады в первый раз увидеть атом не в военном мундире, а в рабочей спецовке.

Скоро исполнится десять лет, как в московскую энергосистему влились первые потоки электроэнергии, рожденной на удивительной станции. Теперь во всем мире насчитываются уже десятки атомных станций, действующих или готовящихся вступить в строй. В нашей стране в 1958 году начала давать ток атомная станция мощностью в 100 тысяч киловатт. Скоро начнут действовать еще две: одна под Воронежем — на 210 тысяч киловатт, другая на Урале — на 100 тысяч.

Под Воронежем в «топке» станции, в ее реакторе будет находиться 44 тонны обогащенного урана. И этого количества хватит для непрерывной работы станции в течение полугода лет.

Вот где главное достоинство атомной энергии!

В Воронеж или на Урал топливо доставить не так уж трудно. А вот, скажем, куда-нибудь на Крайний Север или в Антарктику, на нашу научную базу Мирный? И уж совсем головоломная задача — пополнять запас топлива на плавающем судне.

Но все это до тех пор, пока мы имеем дело с углем, бензином, дизельным топливом. Для атомной энергии здесь нет трудностей.

Уже четвертую навигацию работает в Арктике атомный ледокол «Ленин». Этот великан крушит самые тяжелые льды, проводит десятки кораблей через ледяные поля. И вместе с тем за сутки в его ядерных «топках» сгорает всего несколько десятков граммов атомного топлива. Целый год атомоход может плавать, не заходя в порт!

Совсем недавно наши ученые, конструкторы и рабочие построили еще одну атомную электростанцию. Она не очень велика по мощности — всего 750 киловатт. Но у нее другое достоинство. Станция собрана в отдельных блоках, которые можно легко перевозить.

Это будет незаменимый помощник для тех, кто трудится в глухих местах, — для полярников, геологов, жителей маленьких островов. Два года можно пользоваться ее энергией непрерывно и не знать при этом никаких хлопот с доставкой горючего.

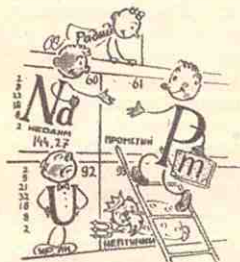
И еще об атоме, который служит энергетике.

Без малого сто лет назад Д. И. Менделеев составил периодическую таблицу элементов. Полезно вспомнить, что этот труд русского ученого дал ключ, который были открыты секреты внутреннего строения атома. Но сейчас о другом. В своей таблице Менделеев вынужден был отвести немало свободных мест: в его время было известно всего 63 элемента из 92.

Пустые клеточки таблицы подзадали ученых на поиски этих еще не обнаруженных элементов. И за минувшие десятилетия они почти все были найдены. Но вот две клетки в таблице никак не удавалось заполнить.

Много раз в редчайших минералах вроде бы и находили подходящих «жильцов» для этих двух клеток, но каждый раз при проверке обнаруживалась ошибка. Не так уж давно, когда ученые стали лучше понимать законы, по которым устроено атомное ядро, стало ясно: этих двух элементов... нет на Земле. Они радиоактивные, распадаются сравнительно быстро, и если и были когда-либо на нашей планете, то давным-давно от них и следа не осталось.

Тогда их создали искусственно. А потом выяснили, что оба они получаются в атомных реакторах на правах «золы», остающейся после «сгорания» ядерного топлива. Первый элемент назвали технецием, другой — промитием.



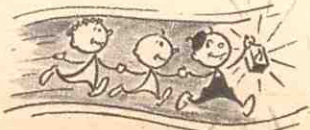
Рисунки В. Житникова.

Один из наших видных ученых как-то сказал: «Если физики отправляются в поиск, они обратят с пустыми руками не вернуться. Всегда присутствуют что-либо полезное».

Так получилось и с этими двумя элементами. Технеций оказался хорошей защитой против ржавления металлов. А из промития делают электрические батарейки. Правда, они очень слабые, но зато удивительно долго работают и очень миниатюрны — примерно как таблетка лекарства. И уже есть ручные часы, крохотные радиоприемники и другие приборы, в которых такие батарейки-таблетки служат источником энергии.

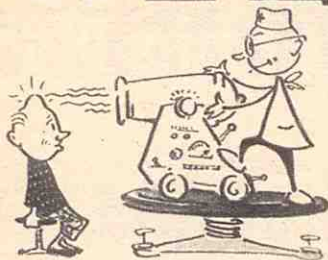
**ПЕРВЫМ** человеком, которому посчастливилось узнать, что атомы, точнее, их ядра, могут распадаться, был французский физик А. Беккерель. Увлеченный опытами с урановыми солями, которые вели себя так неожиданно, Беккерель однажды забыл у себя в кармане пакетик с такой солью. Он носил его несколько дней, пока не почувствовал боль в месте, к которому прилегал карман. Много неприятностей принесла ему открывшаяся язва... Догадливый случай помог понять: ядерные излучения сильно действуют на живую ткань.

Еще задолго до того, как был построен первый атомный реактор, такие излучения применяли в медицине. Лу-





# СПЕЦОВКЕ



чами, которые испускает радий, разрушали злокачественные опухоли.

Но радий — редчайший элемент. За семь десятков лет, как он открыт, его сумели во всем мире накопить всего несколько килограммов.

Иное дело теперь. Достаточно погрузить на время в атомный реактор какое-либо вещество, как оно становится радиоактивным. И теперь уже не диковинка аппараты, которые дают излучение такое же, какое могут дать один или два килограмма радия. А один из советских аппаратов равноценен по мощности 21 килограмму радия!

Трудно перечислить заболевания, которые теперь лечат радиоактивными излучениями. Болезни кожи, внутренних органов, органов чувств, нервной, кровотоковой системы, желез внутренней секреции, костей и суставов — это только самый общий перечень.

Нельзя, конечно, утверждать, что атомная энергия принесла уже решительную победу над всеми болезнями. В одних случаях результаты пока еще очень скромны, но в других — очень хорошие. Вот лечение щитовидной железы. Девять больных из десяти, принимавших радиоактивный йод, полностью выздоравливают. И в какое сравнение может идти сложная хирургическая операция на этой железе с тремя-четырьмя глотками почти неощутимого раствора йода, которые должен сделать больной.

**А**ТОМНАЯ энергия может быть еще более ценным помощником врача, когда он изучает заболевание, ставит диагноз. Врачу, например, надо знать, как быстро движется кровь по сосудам больного. Были и раньше способы это определить, но сложные и болезненные. И вот как выглядит это исследование теперь. Пациенту вводят в вену несколько капель раствора, в котором есть радиоактивный натрий. Около тела больного на пути натрия размещают несколько приборов, способных улавливать излучения радиоактивных атомов. Это, собственно, и все, если не считать часов, которые отмеряют промежуток между «стартом» натрия в вене и сигналом прибора: «натрий здесь!»

Атомы могут вести и более глубокую разведку в организме. Требуется, скажем, узнать, как долго находится в головном мозге фосфор, который пришел в организм с пищей. Годы, месяцы, дни? Миллиарды атомов фосфора входят в организм ежедневно, и столько же атомов выбрасывается им. Но все они «близнецы», и как узнать, сколь долго прожил в мозге тот или иной из них? Это было бы вообще невозможно, если

бы не было у обыкновенного фосфора его «двойника» — радиоактивного фосфора, который получают искусственно. Радиоактивные двойники, или, как их называют, меченые атомы, куда бы они в организме ни попали, всегда подают о себе весть своим излучением.

Исследуя таким образом мозг, ученые узнали, что фосфор задерживается в нем очень ненадолго. Некоторые атомы всего на несколько часов, другие подольше. Но через двенадцать дней ни одного «старого» атома в мозгу не остается.

Меченые атомы помогли установить, что примерно за неделю полностью меняется состав печени человека. Мы вроде бы раз в семь дней получаем новую печень! Как же «удерживаются» в таком случае болезни печени? К сожалению, этот орган, как, впрочем, и другие, «обновляется» таким, какой он есть, — здоровым или больным.

Меченые атомы поспорят в умелости с любой волшебной палочкой. Они стали участниками тысяч самых различных исследований. В разных областях науки.

Захотели вы узнать, сколько времени путешествуют молекулы воды в воздухе с момента испарения из океана до того, как они выпадут дождем на землю? Пожалуйста, ответ: в среднем девять дней.

Вас интересует, как часто одна и та же молекула кислорода может попадать в человеческий организм? Мы знаем, что, войдя в состав тканей человека, молекула кислорода какое-то время находится в его теле. Потом выбрасывается в атмосферу или в почву, блуждает там. Наконец из атмосферы, при вдохе какого-либо человека, снова попадает в организм. Каков средний срок ее странствий от одного вдоха до другого? Есть и на это ответ: примерно две тысячи лет. Это значит, что молекулы, которыми мы сейчас дышим, до этого побывали в легких современников Юлия Цезаря.

Меченые атомы готовят не только искусственно. Некоторые из них фабрикует и сама природа. Например, радиоактивный углерод. Его всегда можно найти в атмосфере и в древесине. Этим ученые тоже воспользовались для того, например, чтобы измерять возраст деревянных изделий. Такие радиоуглеродные «часы» незаменимы для археологов. Эти «часы» точно установят возраст находки, если ей даже 50 тысяч лет. Ткани из египетских саркофагов, корабли викингов, ил со дна морей и океанов — все это раскрыло свой возраст нашим удивительным «часам».

Или такая история. Долгое время ученые спорили, отчего умер Наполеон: своею смертью или был отравлен? От него уцелела только прядь волос. Может ли она что-нибудь сказать? Но вот облучили волосы, провели анализ, и стало ясно: Наполеон был отравлен мышьяком. Надо заметить, что эту загадку раскрыли не меченые атомы, но без участия ядерных излучений тайну смерти пленника с острова Св. Елены узнать бы не удалось.

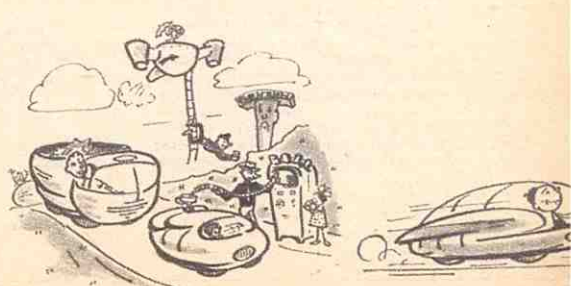
**П**ЕРЕД нами прошло всего-навсего несколько примеров того, что уже дает людям атомная энергия. Тысячи и тысячи ее добрых дел мы даже не упомянули. На многих заводах с помощью меченых атомов и ядерных излучений измеряют толщину таких изделий, как бумажная или металлическая лента. Излучения следят за уровнем жидкости в закрытых баках и резервуарах, проверяют качество сварных швов, плотность металла в рельсах и балках. Геологам атомы помогают узнавать состав земных недр, в сельском хозяйстве — увеличивать всхожесть семян или, наоборот, предупреждать появление ростков, если семена должны долго храниться на складе. Если смотреть только на экономическую сторону, на выгоды, которые атомная энергия приносит, — выигрыш только в одной советской промышленности измеряется многими сотнями миллионов рублей.

Все это хорошо, но сокровищница атомного ядра нами еще только открыта. Сейчас ученые, например, упорно работают над созданием новых искусственных радиоактивных элементов, более тяжелых, чем уран. Есть основания полагать, что среди них должны быть такие, которые могут давать энергии не меньше, чем уран. Но для новых реакторов нужны будут уже не сотни килограммов горючего, не десятки тонн, а килограммы. Тогда сможет появиться атомный самолет, атомный автомобиль.

Очень большие надежды связаны с поисками способа управления термоядерными реакциями. Представьте себе, что из каждого литра простой воды, такой, что бежит в водопровode, мы сможем получать столько же энергии, сколько из 300—400 литров бензина! Значит, когда начнут действовать термоядерные реакторы, у нас всюду, где есть под рукой вода, окажется громадный источник энергии. Неисчерпаемые ее запасы будут ждать нас в океанах земли. Вот что сулят нам управляемые термоядерные реакции, поисками которых заняты сейчас ученые многих стран. Поиск этот трудный, но надо с гордостью сказать, что наши советские ученые идут здесь впереди!

Другой научный поиск: физики открыли такие частицы, которые, сталкиваясь с другими, могут порождать энергии в сотни раз больше, чем уран. Строители ракет уже подсчитали: это топливо будущего поможет совершить путешествие не только на соседние планеты — оно способно домчать ракету даже до звезд!

Великие силы еще ждут, когда наука найдет к ним доступ. Но мы должны помнить, что природа бесстрашна, она ни добра и ни зла, и все дело в том, в каких руках окажутся силы природы. Вот почему все передовое человечество, все простые люди Земли добиваются того, чтобы навсегда было запрещено атомное оружие, чтобы атом был только мирным.





## ЧЕЛОВЕК

Дверь заскрипела. Заглянула соседка. — Ваш-то, хваленый, в булочной сколачивается!..

Процедила и скрылась.

Как сердце чувствовалось! Похолодели руки, едва не выпустила стакан. И как была, в фартуке, Прасковья Васильевна выбежала на улицу...

— Тебе что здесь надо, а? — крикнула тетка с авоськой, оглядев рваные кеды и потертые вельветовые штаны. — Молодой, да ранний...

Вовка вспыхнул, с усилием отвел глаза от поджаристых булок и пошарил в пустом кармане.

— Ты чей? — грозно воззрился на него пожилой мужчина.

— Ничей! — огрызнулся мальчишка, краснея еще сильнее.

— Мой! — подбежав, сказала Прасковья Васильевна и взяла его за руку. — Идем, Вова...

Прасковья Васильевна шла молча. Молчал и Вовка, боясь взглянуть на нее. Куда она его ведет? В милицию? А те смотрят вслед... Он хотел украсть булку! Хотел! Чего же она молчит?

— Отдайте меня в колонию!.. — не выдержав, закричал он.

Прасковья Васильевна вошла в парадное, втокнула его в комнату, оставила одного и ушла. «За милиционером! — решил Вовка. — Ну и пусть!»

Через минуту она вернулась и молча поставила перед Вовкой большую миску. Он глянул на дымящиеся щи, на Прасковью Васильевну, и из глаз брызнули крупные слезы.

— Ну, вот, — улыбнулась она, — теперь и солить не надо!

Вовка торопливо ел, обжигая рот. А потом уснул тут же, в кресле, положив под щеку грязную ладонь.

— Неприкакаянная твоя головушка. — Прасковья Васильевна осторожно укрыла Вовку мягким старым платком.

Есть у мальчишки мать, отец есть.

Почему же нет дома? Почему валяются на детские плечи обиды, да такие, что и не всякий взрослый выдержит? Вот несколько дней назад...

— ...Вперед, за мной! — врывается со двора звонкий мальчишеский крик.

И вслед за ним хриплое, негодующее:

— Покоя от вас нет, хулиганы!

Прасковья Васильевна выглядывает в окно.

Перед рассерженным соседом на примятых цветах стоит Вовка с деревянным пистолетом на боку.

— Чапаев! Тика-а-ай!.. — горланят ему, кидаясь врассыпную, «бойцы».

— Чапаев не сдастся... — В азарте боя щурит светлый глаз командир и целится в соседа.

— Видели?! — кипятится тот.

— А чего от него ждаты!.. — вмешивается еще одна любительница дворовых происшествий. — Отец бросил, мать — пьяница... Яблоко от яблоньки...

— Неправда! — перебивает «Чапаев» запальчиво. — Моя мама хорошая...

Кончилась игра — оборвалась поэзия. Нет больше веселого заводила Вовки Заботнова, есть обиженный мальчишка. Он стоит посреди двора и кривит губы, силясь не зареветь.

— Довели! — Глаза Прасковьи Васильевны темнеют, и она поспешно спускается во двор.

Большая теплая ладонь легла на худенькое плечо. Мальчишка притих, обмяк и доверчиво поведаль:

— Папка деньги прислал. Мама купит мне ботинки. Такие же, как у Кольки.

— А в интернат она заплатила?

— Заплатит... — И, запрокинув голову, Вовка улыбнулся, будто и не было размазанных по щекам подтеков, и умчался, выплескивая из луж рваными кедами солнце.

А вечером случилось то, чему не бы-

ло названия на ребячьем языке: в комоде не осталось денег, присланных отцом. В комнате стоял запах вина, валялись пустые бутылки. Шумели гости, пела мама.

Вовка вопел и остановился, онемев. Он за нее заступался! Он ее защищал!.. Бежал в бухгалтерию интерната, просил, чтобы подождали... Мама обещала заплатить, ведь обещала!

— Мама! — позвал он отчаянно. — Мама!

— Пошел бы... погулял... — пробормотала она заплетающимся языком.

Вовка выскочил за дверь. Душила обида. «Уеду, насовсем уеду! К папке, в Воронок...»

Шел по вечерней улице, мимо огней кинорекламы, поглядывая на прохожих. Где взять денег на билет? Не дойдешь же к этому дяде в шляпе на затылке и не расскажешь, куда и зачем ему надо ехать. А если бесплатно, «зайцем»? Еще поймают и вернут.

Тонким, срывающимся голосом Вовка нерешительно попросил:

— Дяденька... не хватает на кино... двадцать копеек.

Потом подошел к другому, к третьему...

Зажав во влажной ладони горячие монеты, со всех ног пустился бежать...

Стучали колеса поезда: «Зачем, зачем она меня обманула? Все, все расскажу папке!»

Мерцает вечерняя вода, покачивается под быстрыми кедами понтоновый мост, ошалело лают вслед собаки. Последний поворот — и улица Широкая. Слева домик на отшибе, в тяжелой от дождя зелени. В окнах темно. Спят или уехали? Вовка постучал. Зашлепали босые ноги. Мальчик прильнул к двери, ловя каждое движение: там — отец!

Звякнул крючок. В сумраке заспанное, хмурое лицо тети Зины.

### Наука и техника — людям

#### Солнечные батарейки

Походные радиоприемники очень удобны: любуются красотами природы и одновременно наслаждаются плодами цивилизации. Одна беда: приходится часто менять батарейки.

Но недавно конструкторы создали поистине «вечную» батарейку для радиоприемников. Она будет работать без замены и ремонта сколько угодно, была бы только хорошая погода. Эта батарейка — солнечная, заряжается она лучами солнца. А так как на природу мы обычно выезжаем в хоро-

шую погоду, то перебоев в работе приемника бояться нечего.

Батарейка встроена в прозрачную ручку нового портативного радиоприемника «Атмосфера», который уже выпускается нашей промышленностью.



#### Горячий «Ручеек»

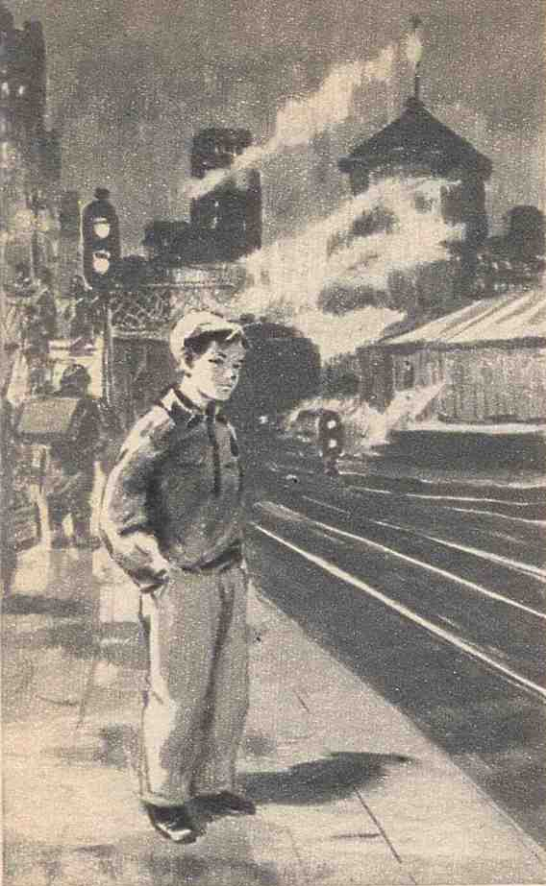
Хорошо, когда в квартире имеется горячая вода! Удобно, гигиенично. Ну, а если этого нет, если вы живете в старом доме или вообще в вашей местности нет теплоцентрали? Наши инженеры позаботились о том, чтобы и в этих и в любых других случаях люди могли жить «со всеми удобствами».

Горячую воду нам постоянно будет давать малогабаритный бачок с ласкательным названием — «Ручеек». Его можно повесить на стену в ванной комнате, на кухне, словом, там, где вам нужна горячая

вода. Теперь подключайте его к электросети и водопроводу. Вода пойдет внутри бачка по трубчатым электронагревателям и быстро нагреется до нужной вам температуры. Кстати, температуру воды вы можете задать сами, так как в «Ручейке» имеется терморегулятор, автоматически поддерживающий нужную температуру.







— Николай!.. — окликнула она супруга.

— Чего примчался-то? Двадцатку же вам послали... Не получили? — уставился на мальчишку отец.

— Получили...

Вовка, насупясь, посмотрел на тетю Зину. Нет, он не станет при ней рассказывать о маме.

Тетя Зина поставила посреди комнаты раскладушку и погасила свет. Вовка снял вельветовую куртку. Из кармана выпала двадцатикопеечная монета, одна из тех, что с таким стыдом выпрашивал у прохожих, чтобы только увидеть отца, услышать от него хоть одно теплое слово!..

Тихо в домишке на отшибе. И только в темноте на раскладушке, уткнувшись носом в теплую кошачью морду, плачет мальчишка.

Утром Вовку разбудил отец. На ладони он держал монету.

— Откуда у тебя деньги? — В голосе слышалась угроза.

Вовка молчал, закусив губу.

— Известно, украл... — змеется щелчка на румянном лице тети Зины.

...Качается под ногами понтоный мост. Убегают мальчишка, размазывая кулаком слезы. Убегают из чистенького домика на отшибе, где не нашлось ему места, где сейчас сидит его отец, к которому еще вчера так рвался, сидит и слушает жену.

— Подумаешь, обиделся! В Москву укатил. Скатертью дорожка... Кому нужен он такой, непутевый!..

«Непутевый!..» Разве знают они, как этот «непутевый» в интернате по пятам неотступно ходит за учителем рисования, как, не отрывая влюбленных глаз, следит за быстрыми взмахами его карандаша, как увлеченно часами рисует или лепит из пластилина? Разве знают они, как этот «непутевый» примчался к Прасковье Васильевне в субботу из интерната и, увидев рядом с постелью пузырьки с лекарством, долго сидел у постели больной, неловко поправляя подушки, а потом молча протянул дневник: 5 — по русскому, 5 — по истории, 4 — по географии!..

С вокзала Вовка, запыхавшись, забежал домой, схватил портфель. Он спешил в интернат. Он не знал, что в это время пишущая машинка на казенном бланке строчила казенные слова: «Настоящим извещаем, в связи с систематическим невзномом платы ученик 5-го класса Владимир Заботнов из интерната исключается».

Бухгалтерия сработала точно по инструкции. Двухзначная цифра задолженности заслонила живого Вовку.

— Исключили?... — проходили мимо Вовки, гуськом поднимаясь по лестнице, ребята.

— Ну и пусть!.. — старался он не глядеть им вслед.

— Исключили! — звенели в столовой ножи.

— Ну и ладно! — проглотил комок. — И один проживу!..

Но нашлись люди, которые вступились за Вовкино детство. Извещение о его исключении из интерната легло на стол начальника детской комнаты 83-го отделения милиции тов. Миловановой. Его принесла сюда пенсионерка Прасковья Васильевна Рябова, для которой многие чужие судьбы близки. Тов. Милованова тотчас же позвонила работникам Фрунзенского роно, и Вову Заботнова восстановили в интернате.

...В зале молодежного клуба судебная сессия. Обвиняемая — Мария Заботнова, мать Вовы.

— Пьянки, драки, скандалы на глазах сына. Сколько раз Заботнову в штаб вызывали! Даст слово — и опять за старое, — говорит начальник добровольной народной дружины А. Юзенков.

Прячут глаза собутыльники Заботновой В. Чернявская, продавец палатки полуфабрикатов от столовой № 16, Е. Орешенкова, Н. Борисенко, грузчик треста благоустройства Ленинградского района Москвы. Это и над ними суд, хотя имен их нет в списке подсудимых.

В наступившей тишине взволнованно звучит голос судьи:

— «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... М. Заботнову лишить родительских прав. Мальчика отдать в детский дом».

Отец не слышал этого. Его не было здесь. Но почему? Ведь инспектор Фрунзенского роно М. Колоскова послала ему повестку. Каким неотложным делом был занят Николай Иванович Заботнов в тот час, когда решалась судьба его единственного сына?

Равнодушие — преступление, уголовным кодексом не предусмотренное. Но есть другой кодекс — кодекс человеческой совести, кодекс советской морали.

И коллектив Щелковской фабрики № 8, где работает Заботнов, должен вынести ему по этому кодексу суровый приговор.

Вырастет мальчишка, и воспоминания обо всем этом перестанут отдаваться в сердце острой болью. Зарубцется рана. Но ведь ее могло бы и не быть. Могло бы, если бы товарищи из интерната № 34, и прежде всего его директор В. А. Липчанская и воспитатель Л. И. Тяпкина, за каждой анкетой видели живого человека. Если бы, не дожидаясь вмешательства общественности тов. Рябовой и звонка из детской комнаты милиции тов. Миловановой, школьные работники поглубже вникли бы в «дело» об исключении Владимира Заботнова из интерната и занялись судьбой мальчишки! Если бы соседи, не раз бросавшие Вовке в лицо «Хулиган!», «Сын пьяницы!», почувствовали бы гражданскую ответственность за маленького человека, который растет рядом!

Москва.

Н. КУТУЗОВА

## Чемодан-сушилка

Обыкновенный портативный чемоданчик. Но он обладает замечательным свойством. Если у вас гора мелко-го невысушенного белья, волшебный чемоданчик мгновенно превратит его в сухое. Стоит только подключить чемодан к электросети и вытянуть вверх вешалку-гармошку. На вешалке множество плечиков, вешайте сюда распашонки, наволочки, полотенца — все мелкое белье. А снизу вешалки находится «электрическое солнце» — рефлектор. Оно раскаляется и быстро сушит белье на плечиках.

В ближайшее время электросушилки появятся на прилавках наших магазинов.



Рисунки В. Кащенко.

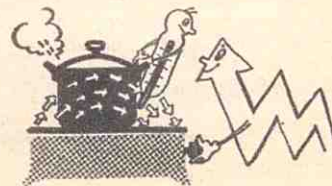
## Кашу варит магнитное поле

На какой бы печке ни готовить кашу, всегда есть опасность, что она подгорит: ведь содержимое кастрюли начинает подогреваться со дна, а внизу температура всегда выше, чем в верхних слоях.

Однако есть плиты, на которых пища разогревается равномерно. Особенность их заключается в том, что нагрев происходит не с помощью огня, а посредством электромагнитного поля, созданного генератором сверхвысокой частоты. На магнитронной плите любое блюдо — мясное, рыбное или овощное — можно пригото-

вить за несколько минут, при этом в продуктах лучше сохраняются питательные вещества и не разрушаются витамины.

Конструкция этой оригинальной плиты разработана инженерами. Научно-исследовательского института тонкой высокой частоты имени Вологодина. Предназначается она для общественных столовых.





# МЕЩАНСТВУ - БОЙ!

В «Работнице» № 9 начался разговор о мещанстве. Читатели с большим интересом отнеслись к этой теме. В редакцию идут и идут письма. Сегодня мы печатаем некоторые из них. Разговор о мещанстве, о борьбе с ним продолжается. Просим читателей принять в нем участие.

## Откуда оно такое?

О диспуте «Мещанству — бой!», который состоялся на Клинском комбинате синтетического волокна, у нас на заводе говорили много. С отдельными мыслями его участников соглашались, о некоторых фактах и выводах спорили.

«Двуликие янусы», мелкие собственники... Да, живут они еще с нами. Живут тихо, спокойно «в хате с краю». Их не заметишь сразу. Ведь мещанству приходится приспосабливаться к широким шагам нашей жизни, маскироваться. Иногда кажется, что идет человек рядом, делает вместе с тобой большое дело. А потом вдруг замечаешь, что он просто-напросто отламывает себе лакомый кусок от готового пирога.

Мама хочет, чтобы дочка обязательно окончила вуз. Смотришь и радуешься поначалу: молодец, самой учиться не пришлось, а вот в детях растит уважение и любовь к знаниям. И вдруг слышишь:

— В трудный институт не лезь. Где попроще, туда иди, лишь бы поступить. Без диплома нынче неприлично. И замуж-то без него не выйдешь.

## «Шабашники»

На диспуте «Мещанству — бой!» было названо много разновидностей мещанина. А я хочу напомнить еще об одной — о «шабашнике», человеке, у которого все помыслы сводятся к одному: как бы поменьше поработать и побольше получить, урвать, что можно, бесплатно. Идет «шабашник» с завода, со стройки домой и обязательно что-нибудь прихватывает: то горсть гвоздей, то банку с краской.

У «шабашника» свои понятия о жизни. Он знает «мое» и «твое». А вот наше, общее — для него все равно, что ничье. Значит, давай тащи! На словах он, «шабашник», за коммунизм. Но представляет его себе так: кто-то создаст изобилие, а он будет все тянуть в свой дом и прятать в сундуках.

Очень вредный элемент этот «шабашник». Он не только наносит материальный ущерб государству, обществу, но и разлагает окружающий. Поэтому нужно вести с ним беспощадную борьбу.

У нас, на Бежицком сталелитейном заводе, «шабашнику» приходится туго. Поймают его за руку — и на следующий день на проходной появляется броский сатирический листок. Мера действенная. Ведь мещанин, привыкший жить тихо, спокойно, своим домиком, очень боится общего дружного смеха.

А. КРАВЦЕВА,  
экономист сталелитейного завода

г. Брянск.

Вот и приоткрылось мещанство. Да, является оно иногда там, где никак не ждешь его. Только развеешь удивленно руками: откуда оно такое?

...Вспоминаю еще об одной нашей калибровской семье. Слесаря Т. и его жену я знаю давно. Это люди, о которых можно сказать: настоящие. Выросла у них дочка. И вот человек, у которого вроде бы и честь рабочая есть и гордость, робко стучится в кабинет к начальнику отдела кадров. Входит. От смущения не знает, куда деть руки.

— Дочку бы надо устроить... В цехе грязновато... Все-таки сердце отцовское... Ей бы работу полегче, почище... А там — в институт.

Так появилась у нас в отделе Зоя Т. У нее одно стремление — легко пропорхать по жизни. К работе никакого интереса. Этот человек без конца только берет и ничего не дает.

— Зоя, сегодня комсомольцы строят ясли.

— Еще чего, в грязи копать!

— Зоя, завтра едем в колхоз.

— Ищите дураков в другом месте! И часто, очень часто я слышу, как у нас в отделе, глядя на Зою, спрашивают друг у друга:

— Откуда в ней такое?

Нет, совсем не обязательно, чтобы каждый рабочий приводил дочку или сына к станку. Все дело в том, чтобы открыть детям глаза на нашу жизнь, показать, что все в ней сделано большим трудом и труд этот уважать надо.

А родители Зои? Началось с мелочей. Просто все лучшее в доме — дочке. Сами не желая того, растили барышню, «берегли», а по сути, лишали ее того хорошего, чем горды сами. А сейчас она уже сама продолжает обкрадывать свою юность, свои мечты, радости, волнения. Ведь человек чувствует себя счастливым только тогда, когда победил, когда пришел к большой цели, когда принес пользу другому... К Зое это настоящее счастье может никогда не прийти.

Так почему же живет, иногда и цветет рядом с нами мещанство? Не из-за нашей ли нетребовательности к себе? Не из-за того ли, что мы иногда сдаем одну какую-то маленькую правильную позицию, думая: не это ведь самое главное? А потом, привыкнув делать скидку себе в мелочах, делаем ее иногда и в большом.

А. ШИШЛОВА,  
конструктор завода «Калибр»

Москва.



## Не по одежке

Недавно произошел в моей жизни случай, который очень взволновал меня и о многом заставил подумать.

Как-то в субботу после работы шла на рынок. Встретила приятельницу. Остановились поговорить. Мимо нас прошла молоденькая девушка — стройная фигурка, миловидное личико. Но одежда, одежда... Узкая юбочка выше колен, какая-то длинная, нелепая кофта. Не удержались мы с приятельницей, замечание ей сделали, а она и бровью не повела.

Иду я и думаю: вот, наверное, пустышка, стилига, без ума, без сердца. Возвращаюсь с рынка. И вдруг смотрю — снова моя «стилига». Присела на корточки, вытирает нос какому-то карапузу: «Ну, не реви, не реви... Сейчас найдем твою маму. Слышишь? Обязательно найдем...» Подхватила мальчишку на руки и скрылась в толпе.

Иду я с полными сумками. Руки немеют от тяжести. И вдруг чувствую, кто-то помогает мне. Обернулась — снова она. Ухватилась за ручки сумки. «Не нужно, детка», — говорю ей. А она: «Я же вижу, вам тяжело». Идем, молчим. Мне стало очень неловко: уж лучше бы, думаю, ты мне не помогала!

Остановились отдохнуть, спрашиваю: — Нашла ты маму того малыша? — Нашла, — говорит. — Живого человека нельзя потерять. А вот я... Я совсем не помню своей мамы... Она погибла в день Победы...

Так познакомилась я с Ритой, девушкой с добрым, отзывчивым сердцем. И часто, когда встречаю ее, думаю с досадой: до чего же мы иногда бываем несправедливы! Подходим к человеку с мещанской меркой — по одежке. Не понравилась юбка, не понравилась прическа, и ну пошли судить-рядить: стилига. А вот в душу заглянуть забудем.

г. Никополь.

З. БАЛАХ



**Л**еса стояли в осеннем золотом убранстве, крестьяне уже сняли плоды своего труда и закладывали семена новых урожаев, когда в Нью-Йорке, в здании, похожем на спичечную коробку, поставленную «на попу», начала свою работу очередная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

В те дни там чаще всего слышались фразы: «Воздух стал мягче», «Лед, кажется, трогается»... Глава советской делегации А. А. Громыко начал свою речь перед Ассамблеей словами: «Можно сказать, что XVIII сессия Ассамблеи поднимает якорь пусть при слабом, но попутном ветре».

О какой «новой погоде» говорят нынче в Организации Объединенных Наций?

Над землей недавно пронесся страшный ураган «флора». Он причинил неисчислимы бедствия странам, расположенным в районе Карибского моря, и особенно Кубе. Разрушены целые селения, смыты посевы, погибли люди... Кубинцы делают все возможное, чтобы облегчить горе и урон, нанесенные злой «флорой». Первым на помощь братской стране пришел Советский Союз. Пройдет немало времени, прежде чем раны будут залечены. На месте руин встанут новые дома, вырастут плантации сахарного тростника, и только людей уже не вернуть...

Однако нынче, когда в здании ООН говорят о веяниях и ветрах, речь идет не о «флоре», а о другом смертоносном урагане, который едва не разразился в районе Карибского моря ровно год назад. Все помнят, на какой тоненькой нитке висел мир прошлой осенью. Политика атомного шантажа, которую проводили американские империалисты против Республики Кубы, безрассудная игра во всякого рода «вторжения» на Кубу контрреволюционного отребья с территории Соединенных Штатов неизбежно привели к тому, что Карибское море едва не стало той искрой, от которой вспыхнуло бы пламя мировой атомной войны. Мир замер в тревоге, в миллионных семьях не выключали радиоприемники, матери по ночам не отходили от спящих детей...

В те осенние дни прошлого года люди во всех частях света увидели, какими опасностями чревато нынешнее положение на земле. Только благодаря выдержке и силе разума удалось предотвратить военный пожар. Кризис, самый опасный после второй мировой войны, был разрешен, когда Советский Союз и США взяли на себя известные обязательства. «Это был крутой, очень крутой перевал в международной жизни», — сказал на сессии ООН А. А. Громыко.

Каждый, кого природа не обделила рассудком, понимает, что настало такое время, когда совершенно необходимо предпринимать конкретные и решительные шаги для действительного смягчения напряженности. Недавно американский ученый и активный борец за мирное сосуществование Лайнус Полинг заявил, что уже теперь США и СССР имеют запасы ядерного оружия, превышающие в 8—12 раз тот «минимум», которым они могут уничтожить друг друга. Но время дуэлей и войн «в одиночку» прошло. Взрыв первой атомной бомбы — где бы он ни произошел —

# НАДО ИДТИ ВПЕРЕД

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

будет мгновенным началом всемирной войны.

Именно этим объясняется, что кризис в Карибском море дал толчок новым переговорам атомных держав, которые привели к тому, что был заключен договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Правда, до сих пор некоторые не в меру упрямые люди назойливо пытаются опорочить инициативу Советского Союза, называя Московское соглашение «опасной иллюзией», обвиняют Советский Союз во всех смертных грехах. Однако неоспоримым фактом является то, что многомиллионные народы всех пяти континентов восприняли этот договор, как надежду на мир, как первый шаг на пути к всеобщему разоружению.

Под Московским соглашением, которое некоторые упрямо продолжают называть «отступлением перед империалистами», уже поставили свою подпись 106 государств, то есть почти все из ста одиннадцати членов Организации Объединенных Наций.

Наша читателя помнят, конечно, какими овациями встретили в зале Ассамблеи ООН главных советских космонавтов Юрия Гагарина и Валентину Терешкову. Их приезд в Нью-Йорк как раз совпал с новой инициативой Советского Союза: после переговоров с представителями США и Англии было внесено предложение заключить соглашение о том, чтобы запретить выводить на орбиту в космическое пространство спутники, оснащенные ядерным или другим оружием массового уничтожения. С редким единодушием, как подчеркивала американская пресса, Ассамблея проголосовала в поддержку этого нового соглашения.

Таким образом, был сделан еще один шаг на пути к разрядке международной напряженности, шаг, который еще немного расчищает атмосферу, помогает укреплять взаимное доверие к переговорам. На Западе признают, что практически этот шаг означает, что впервые за пятнадцать лет переговоров о разоружении ведущие державы обоих блоков обязались взять под контроль технику, которая способна перенести войну в космос.

К этому можно добавить, что в ноябре в Москве начнутся переговоры между СССР и США о расширении связей

в области культуры, техники, образования.

Все это, несомненно, указывает на некоторые отрядные изменения в политической и международной обстановке. Но этого недостаточно. Народы ждут большего.

Московский договор изменил атмосферу, в которой теперь идут переговоры как в ООН, так и между отдельными государствами. Но его влияние может оказаться быстро преходящим, если за этим не последуют новые шаги. Всякое топтание на месте уже есть отход назад. Тем более что империалистические круги в США не оставляют попыток сорвать любые мирные переговоры.

Один из наиболее воинственных поджигателей атомного пожара, американский сенатор Барри Голдуотер, до хрипоты кричал на всех перекрестках против Московского соглашения. Теперь он призывает американский сенат «обдумать», каким путем пересмотреть решение Ассамблеи ООН о запрещении вывода в космическое пространство ядерного оружия. Голдуотер не стесняется и открывает карты Пентагона, когда говорит, что резолюция ООН «в сущности, кладет конец давнишнему стремлению нашей страны разработать методы военного использования космического пространства».

Или возьмем другой пример. Сейчас в США и в Западной Европе много говорят и пишут о планах создания так называемых многосторонних ядерных сил. Но что это такое, эти «многосторонние ядерные силы»?

Представьте себе, что на морях нашей планеты непрерывно снуют взад и вперед двадцать пять кораблей. Команды там состоят из людей различных стран, но только тех, что являются членами агрессивного блока НАТО. Выглядят корабли как будто безобидно, как обычные торговые суда. Однако на них будет размещено атомное оружие, и по первому сигналу — разумеется, из Вашингтона — они бросятся в любой угол света. Пираты с атомным оружием — вот что такое эти «многосторонние» корабли! Разве такие суда, шныряющие в океанах и морях, помогут разрядке напряженности? Наоборот, они станут еще одной серьезной опасностью для мира. И, кроме того, что такое НАТО? Это, помимо США, Англии, Франции, скандинавских стран, еще и Западная Германия. Значит, если такие «многосторонние силы» будут созданы, реваншисты из Бонна получат прямой доступ к атомному оружию — это как раз то, о чем они мечтают денно и нощно уже не один год. В этом заложена величайшая опасность.

Именно поэтому нельзя откладывать в долгий ящик решение коренных международных проблем, которые порождают напряженность, — разоружение, заключение германского мирного договора и нормализацию на его основе положения в Западной Берлине. Реальной возможностью может быть заключение пакта о ненападении между НАТО и странами Варшавского договора.

Надо идти вперед и выбить из рук американских империалистов атомный фитиль, пока они не подождли мир.

## Что происходит в мире



Двенадцатилетний Луиджино Вендито в госпитале.



ИТАЛИЯ

## Джованни хочет учиться

Маленький Луиджино лежит, вытянувшись на больничной койке госпиталя в городе Сеттимо Торинезе. Рука его туго забинтована, густые кудри рассыпались по подушке. Недетская дума застыла в больших черных глазах. С тяжелым безразличием устремлен его взор в пространство. Ничто его не радует, даже подаренный ему велосипед, о котором он так мечтал! Зачем он ему теперь?

Мальчик тяжело искалечен. В мастерской, где он работал, строгальной машиной ему отрезало три пальца правой руки.

В то время как его счастливые сверстники ходили в школу, беззаботно играли и веселились, Луиджино, которому едва минуло 12 лет, пришлось пойти работать в столярную мастерскую. Законы Италии запрещают пользоваться трудом несовершеннолетних, но с этим никто не считается. Тысячи детей начиная с шестилетнего возраста работают по десять часов в день.

И это не только на юге страны, где вопиющая нищета вынуждает родителей отдавать детей «в люди», чтобы освободиться от лишнего рта, но и на севере, промышленный расцвет которого буржуазные политики рекламируют как «экономическое чудо». Это «чудо» не коснулось детей бедных. Множество их ра-

ботает в мастерских, магазинах, ресторанах, гостиницах, трактирах, на стройках за гроши, а нередко — просто за обедки.

Под палящим солнцем с тяжелыми ящиками на плечах спуют по шатким мосткам стройки десятилетние труженики, а вечером, из-

Два мальчугана — один в длинном переднике мясника, другой с тяжелой корзиной на голове — остановились на минуту перекинуться парой словечек. Как схожи судьбы этих малолетних тружеников, детей неаполитанской бедноты!



мученные, валяются они на постель, чтобы завтра снова впрячься в непосильный труд.

— Хорошо было бы попасть в дом умалишенных. Там можно жить спокойно и каждый день есть, — сказал в беседе с учительницей один такой строитель.

С лотком на голове обходят улицы малолетние «каскарини» — разносчики товаров. Они работают до и после занятий в школе. К шести утра они уже должны быть на месте. И не дай бог опоздать: желающих получить работу много!

Итальянский женский прогрессивный журнал «Нои донне» провел опрос школьников младших классов начальной школы в Неаполе.

— Кто из вас работает? — спросила учительница.

Десяток рук взметнулось вверх. Винченцо Спаньоло, шестилетний заморыш (в Италии дети учатся в школе с шести лет), рассказал, что он работает у портного — разносит заказы клиентам. Из конца в конец города носится он с шести утра пешком, чтоб не истратить на трамвай на одной лиры из своего жалкого заработка. Вспотевший, запыхавшийся, является он в школу и нередко засыпает за партой.

Семилетний Джованни Палуцио работает у колбасника.

— Мама сказала: пора тебе начинать работать! — рассказывает он.

Шестилетнего Энцо Колланди держат в остерии (в трактире) на побегушках. Занят он до поздней ночи, а заработок — блюдо макарон в полдень. («Правда, хороших, — замечает он. — С маслом и сыром»). Восемилетний Белло Сальваторе до школы разносит молоко по домам.

Чем старше класс, тем больше в нем работающих. В третьем классе работают все. Десятилетний Джованни Нотаро прислуживает в баре. Работа его трудная: уйти нельзя до 10 часов вечера, пока не перемоев и не уберет посуду, не подметет помещение, а хозяин не подсчитает выручку. Никакой платы он не получает, только чаевые. Можно себе представить, как развращают эти подачки душу малыша!



На пуговичной фабрике Бертолли в Бергалло работает много девочек десяти—двенадцати лет. По десять часов в день стоят они, согнувшись над машиной. Всем им строго-настроено приказано никому не говорить о том, что они здесь работают. И когда инспектор по требованию общественности прибыл на фабрику с обследованием, то ни одного несовершеннолетнего за станками «не обнаружил». Так хитростью и обманом хозяева попирают

закон, запрещающий труд малолетних.

А сколько детей не учтено никакой статистикой, никакими обследованиями! Корпят они целыми днями за шитьем, помогая матерям-надомницам.

Бесстыдная эксплуатация детского труда существует не только в итальянских городах, но и в деревнях.

Почти все сборщики оливы страдают от профессиональной болезни — анкилостомиаза, тяжелого кишечного заболевания, надолго задерживающего физическое и умственное развитие детей.

Журнал «Нои донне» приводит слова двенадцатилетнего мальчика из неаполитанской деревни:

— Я работаю по крестьянству. Это тяжело. Овощи, которые мы разводим, требуют обильной поливки, а воду приходится брать из коммунального фонтана. В очередь за водой становимся с ночи и несем обратно тяжелые ведра. Я очень устаю. Но что поделаешь! Надо работать, такая уж у меня судьба...

Страшный мир, мир эксплуатации и жестокости перед нашими глазами. Дети заняты непосильным трудом, у них угасли все желания, утеряны надежды. Ничего не ждут они от жизни. «Мы должны защитить детей, обязаны предьявить обвинения, но не судьбе», — обращается журнал «Нои донне» к своим читателям.

В. РОВИНСКАЯ

ФРГ

## КАЖДЫЕ ДЕВЯТЬ ЧАСОВ — СМЕРТЬ

Это было в конце рабочего дня. Анна Кремпер, сборщица телевизионных панелей на гамбургском заводе «Филиппс», потеряв сознание, упала на цементный пол цеха. Подруги стали приводить ее в чувство: они знали, что Анна скрывает от администрации свою беременность. Работницы задумались: как быть? Сообщить обо всем заводскому врачу? Но он тут же передаст хозяйину, и Анна окажется за воротами завода. Ведь женщин, которые ждут ребенка, у них на заводе немедленно увольняют.

— А если она умрет? — слышался тревожный шепот. — Ведь у нее дочь и больной муж. Скорее врача!

У Анны оказалось тяжелое заболевание почек. Через три часа ее не стало. В тот же день в городской больнице Гамбурга, где лежала Анна, умерли еще две роженицы.

Недавно западногерманский журнал «Ревю», редакторов которого трудно обвинить в сгущении красок, опубликовал статью об угрожающем росте в ФРГ смертности среди беременных женщин и новорожденных детей. В стране ежегодно погибают тысячи беременных женщин и 31 новорожденный из каждой

тысячи родившихся детей. По размерам женской и детской смертности ФРГ держит мрачный мировой рекорд, оставив позади многие слаборазвитые страны Азии, Африки, Латинской Америки!

Где же причина? Почему в стране, прозванной буржуазными пропагандистами «экономическим чудом», медицинское обслуживание стоит на таком низком уровне? Западногерманский еженедельник на эти вопросы, конечно, не отвечает. Сколько по поверхности проблемы, «Ревю» говорит лишь о недостатке коек в родильных домах, об антисанитарных условиях во многих медицинских учреждениях Западной Германии...

Пороки западногерманской системы здравоохранения — следствие более глубоких социальных и политических причин. О них в статье «Ревю» ни слова. Более того, журнал старается увести читателя в сторону пустыми рассуждениями о том, что преждевременная смерть многих матерей связана-де с «таинственной природой» самих женщин.

А все дело в том, что боннским правящим кругам попросту наплевать на нужды миллионов трудящихся женщин. Главное, чем заняты головы боннских минист-

ров, — это подготовка к ревизионской войне. В ФРГ только три процента бюджета отведено на нужды здравоохранения. В Бонне открыто говорят, что и впредь не собираются увеличивать эти нищенские ассигнования. Так, депутат от правящей партии Клингер цинично заявил в западногерманском бундестаге, что «здравоохранение подождет, когда есть более неотложные нужды». Читай: гонка вооружений.

Каждые девять часов в ФРГ погибает беременная женщина. И каждую минуту на вооружение здесь тратится 40 тысяч марок. Этих денег с лихвой хватило бы на бесплатную медицинскую помощь 150 роженицам. А если взять общую сумму военных ассигнований, то на них можно было бы дополнительно построить больничные учреждения с десятками тысяч коек, организовать сотни бесплатных женских консультаций.

Другое дело — военные госпитали, медицинские пункты в армейских частях. Тут отличная медицинская аппаратура, нет недостатка в медицинских кадрах. «Жизнь каждого офицера», — говорит боннский министр фон Хассель, — стоит дороже жизни двадцати штатских». В этих словах вся людоедская сущность боннской политики милитаризма, в жертву которой приносятся жизненные интересы миллионов трудящихся.

Правда, в Западной Германии есть и первоклассные родильные дома и специальные клиники. Но все это для женщин аристократического круга, жен капиталистов, крупных землевладельцев, боннских министров. За медицинские услуги они могут платить бешеные деньги — 5—8 тысяч марок.

Разве это под силу трудящейся женщине в Западной Германии, если средний заработок ее 120—150 марок?

«Ревю» не пишет о том, что в так называемом «свободном» мире женщина-работница, поступая на работу, подписывает обязательство не рожать ребенка. И вот, пряча свою беременность, боясь остаться без места, простые женщины ФРГ нередко жизнью расплачиваются за дикие, бесчеловечные порядки, принятые в их стране.

С. РУХОВИЧ

23



Трудно быть «мальчиком» в кафе. Когда нет клиентов, тебя ждет гора грязной посуды.

Снимки из итальянского журнала «Нои донне».





Художница Марина Иванова.

Фото Н. Маторина.

## ПОДАРОК ДРУЗЬЯМ

В столе у Марины Андреевны Ивановой вместе со старыми фотографиями, письмами друзей, эскизами и набросками хранится книга в сером коленкором переплете, изданная Академией художеств СССР. На титульном листе ее лаконичная надпись: «Гордимся вами! Ваша группа». Затем следует тринадцать подписей.

История этой надписи такова.

11 июля 1959 года в замке Пильниц, близ Дрездена, была открыта выставка дипломных и курсовых работ студентов Репинского и Суриковского художественных институтов. В экспозицию было включено девять дипломных картин, 35 курсовых этюдов и 84 работы

по рисунку и графике. Вскоре после открытия выставки директор государственных музеев Дрездена Макс Зейдевиц выразил желание приобрести картину «Софья Ковалевская», написанную дипломницей Московского художественного института имени Сурикова Мариной Ивановой.

Президиум Академии художеств СССР решил передать картину советской студентки в дар Дрезденскому музею и приурочил этот подарок к празднованию десятилетия Германской Демократической Республики.

Так эта картина оказалась в ГДР. А автор ее, темноглазая женщина с тяжелой косой и звонким,

очень юным голосом, по-прежнему живет в Москве. Недавно она вернулась из длительной поездки по селам Новгородской области. Ее мастерская буквально завалена этюдами. Тут и мчашиеся во весь опор по деревенской улице велосипедисты и заросшие осокой берега неторопливых речушек. Но больше всего, пожалуй, в мастерской портретов.

Из распахнутого окна показалось строгое лицо колхозного счетовода... Спокойно сложила на коленях натруженные руки мать, вырастившая восьмерых детей... Молодая женщина вынесла подышать воздухом своего первенца...

— Люблю писать современниц, — говорит Марина Андреевна. — Мне понятны их радости и тревоги, поиски и заботы.

— Выходит, попытка написать Софью Ковалевскую была для вас случайностью? — спрашиваю я художницу.

— Нет, конечно. Это женщина с интереснейшей судьбой и твердым характером.

— Расскажите, пожалуйста, о работе над этой картиной подробнее.

— Многие мои друзья по институту решили посвятить свои дипломы теме революции... А я решила изобразить девушку, может быть, чем-то напоминающую Нюду — героиню повести Чехова «Невеста». Девушку с сильным характером, светлую и чистую. Девушку, которая выбрала путь служения народу через науку и не побоялась ради этого навсегда порвать со своим классом.

Можно ли было найти кандидатуру лучше Софьи Ковалевской, выдающегося русского математика, первой в мире женщины-профессора, члена-корреспондента Петербургской Академии наук!

Художница изобразила Ковалевскую в тот момент, когда она навсегда порывает со своим отцом-генералом, с аристократической средой, в которой выросла, чтобы посвятить жизнь науке.

В те времена в царской России женщины не имели права на высшее образование. Более того, считалось предосудительным, если девушка «из общества» серьезно занимается наукой. Выход был для Софьи

один — уехать учиться за границу. Но отец резко восстал против ее увлечения наукой. Чтобы освободиться от власти родителей и получить возможность уехать за границу, Софья прибегает к «фиктивному браку» с молодым ученым В. О. Ковалевским. (Спустя два года они действительно стали мужем и женой.)

С блеском закончила Софья Ковалевская Гейдельбергский университет и получила степень доктора философии. Ее исключительный талант математика, философа и литератора вскоре сделал ее имя известным во многих странах. Передовые русские люди гордились своей соотечественницей. Но Ковалевская могла заниматься наукой и читать лекции только за границей, на родине ей упорно отказывали в работе: ведь она женщина.

Ковалевская получает кафедру математики в Стокгольмском университете. Вскоре ей присуждается премия Парижской Академии наук, потом Стокгольмской Академии наук. И только в 1889 году Петербургская Академия избирает ее наконец своим членом. Это случилось за два года до смерти Ковалевской (она умерла еще молодой, сорока одного года).

Софья Ковалевская была не только замечательным математиком, но и хорошим литератором. Ею написан роман «Семья Воронцовых» и несколько пьес; все они проникнуты демократическими идеями.

Не удивительно, что образ этой замечательной женщины увлек молодую художницу Иванову.

— Работала я, можно сказать, со страстью, — рассказывает Марина Андреевна, — конечно, я прочла все, что было написано о Софье Ковалевской. Читала ее дневники, знакомилась с фотографиями. Довольна ли я своей работой? Трудно сказать. И да и нет. Во всяком случае, если б у меня была возможность вернуться к картине еще раз, многое бы сделала по-другому.

Прощаясь, Марина Андреевна показала мне несколько этюдов.

— Мечтаю, — сказала она, — написать женщину-врача, мудрую, опытную и сердечную.

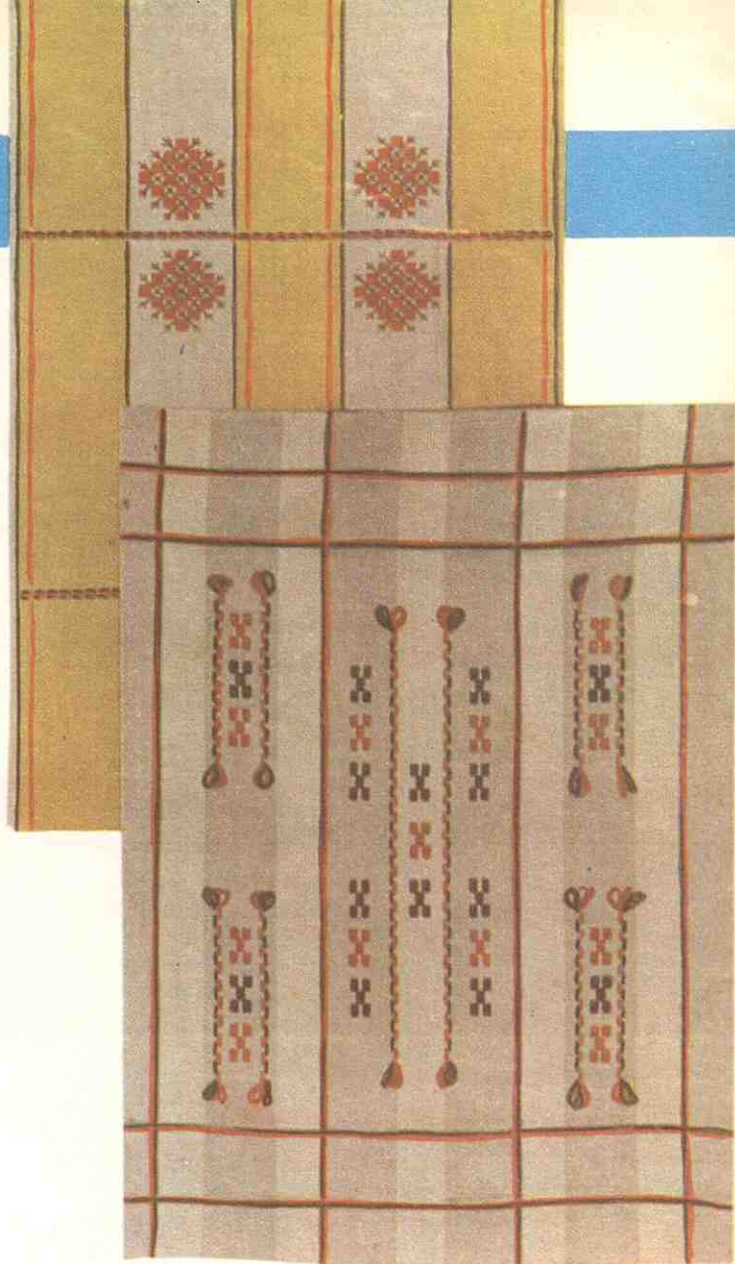
Е. ПАВЛОВА





М. ИВАНОВА. СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ.





## ЭТО КРАСИВО

Подушки, на которых спят, днем можно убирать в специальные наволочки. На вкладке даны узоры для вышивки таких наволочек.

Ткань — тик, суровое полотно, сатин, шерсть или сунно. Вышивать швами — счетная гладь, стебельчатый, вперед иголну, косичка. Узор наносится на бумагу в клетку (размер клетки 5 мм), затем переводится через копировальную бумагу на ткань.

Т. ЕРЕМЕНКО,  
Т. ЕМЕЛЬЯНОВА





## Приглашение

В мае прошлого года бакинский милиционер Мамед Аскеров, спасая от бандитов человека, погиб сам. Об этом уже писали, а сейчас мне хочется рассказать о тех прекрасных людях, которые с сердечным участием отнеслись к семье героически погибшего милиционера.

Прочитав в газете «Известия» Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении орденом Красной Звезды Мамеда Аскерова, жители дома № 12 по Объездному шоссе Ленинграда Ольга Котенева, Анатолий и Дарья Игнатьевы, Эдуард и Любовь Захарьящевы, Евгения Васильевна Стороженко, Краева и другие прислали в Министерство охраны общественного порядка Азербайджанской ССР письмо для передачи вдове Аскерова.

Письмо небольшое, но в нем столько тепла, что нельзя читать его без волнения.

«Дорогие члены семьи Мамеда Аскерова! Мы незнакомы с вами, но нам захотелось написать несколько строчек, чтобы разделить ваше неутешное горе. Вы потеряли дорогого человека, которого не назовешь иначе, как героем. Видно, он был очень добрым, отзывчивым и смелым, потому что не отступил в борьбе с нечистью. Мы восхищаемся его мужеством и хотим, чтобы вы приехали к нам в Ленинград. Встретим, как самых дорогих братьев и сестер».

Очень обрадовало это письмо Аскеровых. И вот сначала ответное письмо, а потом и в путь.

Аскеровых встретили с цветами, обнимали, расспрашивали, как доехали, как самочувствие. Будто встретились после долгой разлуки самые близкие люди.

Остановились бакинские гости у работницы школы-интерната № 3 Калининского района Ольги Лаврентьевны Котеневой. Здесь они сразу же почувствовали себя как дома.

Потом и другие соседки звали Аскеровых к себе в гости. Не знали, куда их посадить, чем накормить.

Прожили у новых друзей Аскеровы целую неделю. Побывали в музее Октябрьской Революции, Эрмитаже, осмотрели Пискаревское мемориальное кладбище, целый день провели в Петродворце.

Бакинцы увезли домой чудесное воспоминание о славном городе Ленина, о незабываемой встрече с людьми, ставшими им родными.

Ш. МИРБАБАЕВА,  
сотрудник управления МООН  
Азербайджанской ССР.

г. Баку.

## Не оставили в беде

Не знаю, как это случилось, но на старости лет я оказалась одинокой. Мои дети забыли меня.

Видимо, началось все с той поры, когда у меня ухудшилось здоровье: я стала слепнуть.

Добрым и ласковым ко мне остался лишь старший сын. Он инвалид войны, живет далеко — в Алтайском крае, от него я получаю хорошие письма, он помогает мне и материально. В прошлом году позвал в гости, а потом никак не отпускал меня домой.

А вот младший сынок, наоборот, хотел, чтобы я совсем не приезжала в Севастополь. Воспользовавшись моим отсутствием, он решил выписать меня из домовой книги и оставить без жилья.

О замысле сына узнали мои друзья из женского совета поселка Бертеневка. Они посоветовали побыстрее возвращаться. И даже денег на дорогу прислали.

Когда сын понял, что ему не удастся

выписать меня, он забрал все мои вещи и ушел из дому.

И опять добрые люди не оставили в беде. Они привели в порядок комнату, оборудовали ее всем необходимым: поставили кровать, столик, тумбочку, стулья. Принесли посуду. На первый случай даже продукты припасли. А в день моего приезда испекли торт, приготовили обед.

Не успела я выйти из вагона, как меня уже обнимали, помогли нести вещи.

Больше всего меня растрогал хлеб-соль, поставленный подругами на стол. Добрый обычай на Руси — встречать хлебом-солью. Низкий поклон вам, дорогие подруги!

Пишу обо всем для того, чтобы все читательницы узнали о добрых, хороших женщинах поселка Бертеневка города Севастополя.

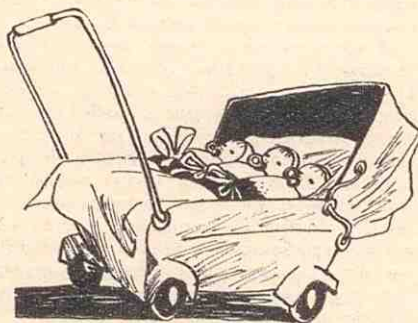
И еще очень хочу, чтобы у моих детей это письмо пробудило совесть.

Е. ГОРДЕЕВА

г. Севастополь.

## Близнецы

Рисунки М. Петрова.



Валентина Загривная очень волновалась, когда собралась выписываться из родильного дома: нет ни родных, ни близких, муж в командировке — как управиться с тремя? Да с Танечкой, оставшейся дома... Тоже не велика помощница — три годика ей.

Но не успела Валентина переступить порог, как ее встретили женщины с Невского машиностроительного завода имени Ленина. «Мы из Красного Креста, получили твое письмо и пришли помочь», — заявили они.

Валентина никогда не работала на этом заводе. О нем она знала только из газет. А о хорошей работе Красного Креста узнала от больничных врачей. Тогда же, из роддома, и написала туда письмо с просьбой помочь ей на первых порах.

Незнакомые прежде люди — М. Зернова, Л. Мордуховская, Л. Казакова, Е. Хорева, О. Орловская — стали по очереди приходить в квартиру Валентины. Заводские дружинницы ухаживали за малютками, помогали Валентине по хозяйству. Часто в хорошие летние дни Танечку увозили гулять за город.

Позднее к дружинницам присоединились коллективы других цехов завода и тоже стали помогать матери.

А не так давно возле дома на ул. Цимбалкина, в Невском районе, где живут Загривные, остановилась автомашина: шефы привезли своим подопечным подарок — трехместную коляску. Она была изготовлена по заказу новых друзей на заводе спортивных изделий вне очереди.

Недавно Юре, Володе и Саше исполнилось семь месяцев. Из командировки вернулся их отец Николай Загривный. Но шефство завода над тремя малышами не прекращается. Теперь адрес семьи близнецов знают многие ленинградцы.

Е. ЗАКС

Ленинград.



**Д**верь захлопнулась. Это ушел корреспондент, оставив меня наконец наедине с раскрытыми семейными альбомами. Мы только что вместе листали знакомые страницы. Я много раз заглядывал в них и раньше, склонялся над выцветшими от времени фотографиями, но никогда не думал о жизни смотрящих на меня оттуда людей. Сегодня задумался впервые. И потому снова устраиваюсь поудобнее в кресле около стола и перелистываю потемневшие листы.

...Со старой, выцветшей фотографии мне улыбаются мама и папа. Молодые, красивые и почему-то очень важные. Позади них, нарисованные на холсте, плавают лебеди и распускаются лилии. Папа — в косоворотке, голова мамы повязана косынкой. Если вынуть карточку из альбома и перевернуть, на обороте прочтешь: «1928 год. Днепротэкс». Сколько же родителям тогда было? По восемнадцати? Они ведь одногодки. Там, на строительстве, и поженились.

Переворачиваю страницу. Теперь мне улыбаются трое. Мама, папа и маленький Алешка — мой старший брат. Малыш крепко держится за чуб отца, Алексея-большого.

А вот мама и папа за партами. Это рабфак. У мамы уже нет кос. Должно быть, некогда стало за ними ухаживать. Короткая, как у мальчишки, стрижка очень молодит ее.

Следующая фотография уже из Криворожья. Отец в синем плаще, тесном в плечах, на трибуне в день пуска металлургического комбината. Рядом карточка, на ней праздничный стол, но на столе только бокалы и пироги, больше ничего. Я склоняюсь к фотографии, заглядываю в веселые глаза тех, кто поднимает бокалы, и говорю вместе с ними: «Первая сессия сдана на пять. Ура!» Эти слова написаны на обороте папой. У него, студента заочного машиностроительного института, галстук закинута за плечо. Наверное, с непривычки. А глаза молодые, как на первой фотографии.

Перелистываю страницы-годы... Теперь передо мною железнодорожный вагон. Из его окошка выглядывают четыре лица. Четвертое — моей сестры Катеньки, беленькой толстушки с ямочками на щеках. Внизу мамин почерк: «Едем на Магнитогорский металлургический. Специалист-папа и его помощники».

Еще страничка. Папа в военной форме. Туго подпоясана солдатская шинель. Сдвинуты к переносью густые брови. Но лицо доброе, со знакомым прищуром глаз и родинкой на щеке. И снова маминой рукой: «1941 год».

А потом всего три фотографии за целых три года. Мама в ватнике. Усталые глаза, чуть заметные морщинки у рта. Сняли ее тогда для доски почета. А на второй карточке ее и не узнаешь. Застывшее, точно окаменевшее лицо у гробика Катеньки. На третьей снят папа в форме капитана. Я касаюсь пальцами белых висков и шрама на лбу. Надписи нет, но я знаю: это сорок третий год, последняя фотография отца. Мама и Алешка видели его тогда всего два дня. Папа заехал из госпитала и больше уже никогда не переступал порог нашего дома. В ящике письменного стола лежит маленькая бумажка, строчки которой расплылись от маминых и Алешкиных слез. Алешка помнит, ее принесли под

# МАМА

Р. МАЛЫШЕВА

Рассказ

утро, когда в окна стучал теплый весенний дождь. Может быть, он размыл тогда буквы? «Алексей Петрович Соколов погиб, как герой, защищая...»

А через два месяца на свет появился я. Вскоре приехали за нами бабушка с дедушкой и увезли нас на Волгу. Вот и фотография: все пятеро. Дедушка в железнодорожной форме, Алешка в суворовской. Оба торжественные. И я ничего себе, с соской, погремучкой и с вихром на голове, как у папы...

Чьи-то шаги на лестнице. Может быть, это уже пришла мама? Стрелки будильника показывают два часа ночи. Нет, ей еще рано: смена не кончилась.

Я перелистываю страницу и вижу себя, маму и Алешку в Крыму. 1954 год. С этого года снимков очень много: дедушка нам подарил фотоаппарат. Жаль, что его не было раньше. А то мы сняли бы маму студенткой заочного отделения машиностроительного института и написали бы на обороте: «Первая сессия сдана на пять. Ура!» Но странно: после того, как у нас появился фотоаппарат, маминих карточек почему-то очень мало. Одни наши с Алешкой самодовольные физиономии.

Как много лет мы жили без папы! А мама? Она работала. Просто работала, и все. А сегодня вдруг пришел корреспондент посмотреть, как живет она дома, героиня его очерка, начальник цеха такой громадины, как наш машиностроительный.

Заметив мое изумление, он сказал: «Я хочу рассказать таким, как ты, стоящим на пороге жизни, о ваших отцах и матерях. А то ведь вы их не знаете. Заняты по уши своими персонами, ищите героев, а они ходят рядом с вами...»

И вот я снова и снова листаю пожелтевшие от времени страницы альбомов, всматриваюсь в лица людей, которые всю свою жизнь «просто работали», читаю полустертые надписи на обороте, и комок подкатывается к горлу. Я вспоминаю усталые глаза мамы после ночной смены, ее рано поседевшие волосы и глубокие морщинки у рта. Я вижу ее огрубевшие, с черными трещинками на ладонях, руки. Вот она, маленькая, сухонькая, стирает белье, моет пол, подает на стол дымящийся борщ.

— Володенька, борщ остынет, после обеда дочитаешь, — слышится ее спокойный голос.

А я, здоровый детина, что-то буркнув в ответ и оставив грязные тарелки на столе, бегу в институт, уверенный, что выполняю все свои обязанности на этом свете. Давно я на две головы выше мамы и разговариваю басом, но, как в прежние, короткоштаные годы, прячу свой чуб от ее ласковых и трепетных рук. Большой, мол, стал, не пользуюсь их услугами...

Снова шаги на лестнице. В ночной тишине ясно слышен поворот ключа. Несколько бесшумных шагов, и мама на



Рисунок А. Лурье.

пороге комнаты. Усталое ее лицо испуганно.

— Что случилось? Почему ты не спишь?

Я встаю и несколько секунд смотрю на нее, такую маленькую, сухонькую, но очень крепкую. Она подходит к столу, удивленно поднимает на меня глаза и переворачивает листок альбома. Ей улыбаются парень в косоворотке и девушка в косыночке, а позади них на нарисованном пруду плавают гордые лебеди.

Я вижу, как хорошеет моя мама, как разглаживаются складочки на ее лбу, а щеки загораются румянцем. Она как замороженная листает страницу за страницей, а передо мной снова проходит вся ее жизнь. Обыкновенная жизнь моей необыкновенной мамы...



## «Порядка беспорядка»

Говорите правильно!

Недавно между мной и работником одного из московских спортивных магазинов состоялся следующий телефонный разговор:

— Скажите, пожалуйста, когда у вас будут ракетки для бадминтона?

— По части ракеток сказать пока ничего не могу, не обещают.

— Тогда, может быть, воланы есть?

— В отношении воланов зайдите через неделю.

— А сколько стоят две ракетки и коробочка с воланами?

— Порядка десяти рублей.

«И скучно и грустно» стало мне после этого диалога. Скучно «по части порядка» и грустно «в отношении отношения», и не столько к бадминтону, сколько к манере выражаться, характерной, к сожалению, для многих, а не только для моего собеседника.

Приходится слышать и такое: «Как у вас в разрезе доярок?» «В отношении льна у вас много положительного». «Нужно сделать заявление на предмет кормов».

Совершенно очевидно, что все эти унылые словесные штампы — «в разрезе», «по части», «по линии» — лишены прямого, предметного значения. Ничего не прибавляя к смыслу сказанного, они лишь загромождают предложение, делают его неуклюжим, трудным для восприятия.

Это сорняки, от которых наша речь должна энергично избавляться, и прежде всего это касается речи разговорной, обиходной, так как казенно-бюрократический привкус ей категорически противопоказан.

Да и деловой, канцелярский стиль тоже может прекрасно обходиться без большинства из них. Действительно,

зачем писать в заявлении: «Прошим создать специальную комиссию на предмет обследования инспектируемого нами участка», когда проще, понятней и экономней: «...для обследования...»

Что изменится, если из предложения официального отчета «В деле правильной организации отдыха трудящихся положительную роль сыграла работа местного комитета» выбросить «дело»? Настоящее дело от этого никак не пострадает. Больше того, это, скорее, пойдет на пользу делу!

Бывают и такие случаи, когда слово или выражение, уместное в специальном употреблении, попав в разговорную речь, теряет смысл. Вряд ли, например, самый придирчивый читатель усмотрит какой-нибудь ляпсус в предложении: «В процессе обращения искусственной планеты и Земли вокруг Солнца они могут сблизиться на расстоянии порядка миллиона километров». Для некоторых точных наук (физики, математики) это — установившееся так называемое терминологическое сочетание, имеющее строго определенное содержание. А вот когда начальник строительного участка сообщает, что его бригада строит дом «порядка ста квартир», или управдом заканчивает наставление играющим во дворе ребятам словами: «...и вообще, чтобы не было явлений порядка беспорядка», этот оборот превращается в окончательную бессмыслицу. Как тут не подумать с тайной надеждой: а может быть, и впрямь не будет больше явлений порядка такого беспорядка?!

Татьяна ВИНУКОВ,  
научный сотрудник Института  
русского языка АН СССР.

## «Дело в шляпе»



— Дело в шляпе! — говорим мы, когда успешно заканчиваем какое-либо дело. Но, конечно, только говорим. В деловых бумагах, например, в отчете или рапорте мы так не напишем.

А почему мы так говорим?

Предполагают, что это выражение возникло в те далекие времена, когда постоянной, организованной почты еще не было и всевозможные депеши и государственные бумаги («дела») отправлялись с нарочными, гонцами, верховыми. В лесах вокруг проезжих дорог скрывались злоумышленники, попадались разбойники, поэтому важную, ценную бумагу нужно было спрятать понадежнее. И вот ее зашивали под подкладку шляпы или шапки. Сравните у А. С. Пушкина в «Полтаве»:

Червонцы нужны для гонца,  
Булат потеха молодца,  
Ретивый конь потеха тоже —  
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставит рад  
Коня, червонцы и булат,  
Но выдаст шапку только с бою,  
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?  
Затем, что в ней донос зашит,  
Донос на гетмана злодея  
Царю Петру от Кочубея.

Н. АПНИНА

Есть языки с постоянным ударением. В немецком языке ударение всегда падает на первый слог слова, во французском — на последний, в польском — на предпоследний. А в русском языке ударение разноместное, то есть в одних словах оно на первом слоге, в других — на втором или на третьем, а иногда и на четвертом, на пятом. Так, в слове *вѣтер* ударение на первом слоге, в слове *туман* — на втором, в слове *литература* — на четвертом. Именно поэтому в устной речи часто встречаются ошибки на ударение. Возьмем для примера слово *срѣдство*. Ударение в нем всегда на первом слоге, но иногда приходится слышать, как во множественном числе переносят ударение на последний слог и говорят *средствѣ*. Это неверно.

Вспомните, как Демьян Бедный писал о себе:

Я знаю, какие скромные средства  
Природой мне отпущены с детства.

Обязательно произнесите эти строчки вслух, не нарушая рифмы.

Приводим некоторые слова, в которых часто допускают ошибки в ударении:

молодёжь	фарфёр
премировать	фундамент
найтмашь	магазин
русло	портфель
соболезнование	договор
столяр	километр
ненависть	медикаменты
пѣтля	форум
свѣкла	языки
каталог	квартил
агент	документы
коклюш	статуя
комбайнер	шофёр
ремень	процент
хозяева	досуг
хозятайство	чѣрточка

## «Авиа» или «авио»?

Вы часто встречаете на конвертах, почтовых штемпелях слово *авиа* — знак корреспонденции, доставленной самолетами. Как образовалось это слово и почему пишут *авиа*, а не *авио*? Ведь другие иноязычные элементы — *гидрометео*, *стерео*, *электро* — пишутся с *о*!

Термины «авиация», «авиационный» и связанные с ними образования возникли из латинских частей: основы *avi* (от *avis* — птица) и суффикса *-atio*. Слово *авиа* появилось в русском языке путем усечения, сокращения прилагательного *авиационный*, и этим объясняется написание *авиа*.

Е. ГОЛАНОВА

Отдел ведет доктор филологических наук Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ.



# Ребенок родился раньше срока...

Как-то в родильном доме в комнате для посетителей я увидела среди счастливых отцов удрученного человека. Подошла.

— Вы и кому?

Он заговорил сразу и очень взволнованно:

— Понимаете, доктор, у нас несчастье... Недоношенный ребенок... Он будет жить, доктор?

— Конечно.

— И на всю жизнь останется неполноценным?

Странные вопросы! Однако слышать их приходится довольно часто. Придет еще у нас мнение о «врожденной жизненной слабости» детей, которые родились раньше срока. Но оно полностью опровергается системой ухода за недоношенным ребенком, которую разработали и научно обосновали наши врачи.

Итак, ребенок появился на свет раньше положенного времени. Расстроена мать: он весит меньше двух с половиной килограммов, а рост его не достигает и срока пяти сантиметров. Как его выхаживать?

У детей, родившихся раньше срока, недоразвита терморегуляция. Температура тела колеблется у них в очень широких пределах и зависит от температуры воздуха в комнате. Их можно легко перегреть или охладить. Поэтому важно следить за тем, чтобы ребенок был правильно одет. Если он весит больше двух килограммов, то в чрезвычайном укутывании не нуждается. На него надевают две распашонки: тонкую — вниз и бумазейную — сверху, заворачивают в подгузник и две пеленки. Руки малышу оставляют свободными. Затем ребенка накрывают одеялом и кладут под это одеяло теплую грелку.

Детей, которые родились на седьмом месяце беременности, нужно одевать теплее. Наиболее подходящая одежда для них — кофточка с капюшоном и рукавами, зашитыми на концах. Ребенка заворачивают в байковую пеленку, байковое одеяло и кладут в конверт из бумажной материи с простеганным ватником. С трех сторон малыша обматывают грелками и, наконец, укрывают байковым или тонким шерстяным одеялом. Температура воды в грелках должна быть не выше 60 градусов. Если у ребенка холодный нос и стынет лоб, то в чепчик подкладывают тонкий слой ваты.

В кровати малыш должен лежать так, чтобы верхняя половина туловища была слегка приподнята. Это облегчит ему дыхание.

Купать детей начинают только после отпадения пуповины. Первые 2—3 недели воду для купания нужно обязательно кипятить. Температура воды в ванночке должна быть 38 градусов.

После ванны ребенка окутывают из кувшина теплой водой и заворачивают в нагретую простынку. Вытирают его осторожно, слегка прижимая простыню к телу. Складки смазывают прокипяченным маслом, вазелиновым или подсолнечным.

Если вечерняя ванна возбуждает малыша и он плохо засыпает, то купать его лучше утром или днем.

Недоношенному ребенку необходимы прогулки на свежем воздухе. Перед тем, как вынести малыша на улицу, его заворачивают в одеяло и кладут туда грелку. Зимой при температуре минус 7—10 градусов и ниже ребенка можно выносить на прогулку не раньше трехмесячного возраста.

Не менее важно в уходе за недоношенным ребенком правильное кормление. Оно требует от матери большого внимания и терпения.

Так как недоношенный ребенок почти все время спит, то перед кормлением его разворачивают, меняют пеленки и, только когда он просыпается, прикладывают к груди. Если малыш не сжимает соска, а просто держит его, нужно начать осторожно сцеживать молоко прямо в рот. Почувствовав молоко, он начнет двигать языком и сделает несколько сосательных движений. Подолгу учить ребенка сосать нельзя: он устанет.

Часто первое время ребенка кормят через накладку. Если ребенок сосет хорошо и у матери много молока, он быстро привыкает к накладке. Если малыш очень слаб и сосет плохо, а у матери и тому же тугие соски, то кормят его так: вкладывают ему в рот сосок от накладки, в которую сцеживают из груди молоко. Во время кормления нужно делать небольшие перерывы, чтобы дать малышу возможность отдохнуть. Если ребенка кормят из бутылочки, то во время этих перерывов ее ставят в теплую воду, чтобы молоко не остывало.

Недоношенных детей кормят через каждые 3 часа, то есть семь раз в сутки. Если ребенок весит меньше полутора килограммов, то можно некоторое время кормить его чаще — 8 или 10 раз в сутки. Для всех детей необходим шестичасовой ночной перерыв между кормлениями. В это время ребенку дают пить теплую, слегка подслащенную воду или пятипроцентный раствор глюкозы (50—70 г в сутки).

Если у матери мало молока, то малыша приходится подкармливать коровьим молоком или цельным кефиром, который готовят на детских молочных кухнях. Вводить прикорм надо постепенно: сначала два раза в день по 10 г, добавляя его к сцеженному грудному молоку, через 2—3 дня —

три раза, а затем четыре раза по 10 г. Еще через 2—3 дня — четыре раза по 20 г.

С четырех месяцев ребенку можно давать пятипроцентную манную кашу (манной крупы — 5 г, молока — 50 г, воды — 75 г, сахара — 5 г), с пяти месяцев — фруктовый кисель, с шести — десятипроцентную манную кашу (манной крупы — 10 г, молока — 100 г, воды — 25 г, сахара — 5 г), с семи — овощное пюре и мясной бульон, с восьми — паровое мясо.

Как только малышу исполнится три месяца, ему начинают давать свежие фруктовые и ягодные соки. Первые дозы должны быть очень маленькими — 1—2 капли, — затем они постепенно увеличиваются до половины стакана в день.

Недоношенных детей необходимо тщательно оберегать от инфекции. Перед кормлением мать должна вымыть грудь теплой водой с мылом и вытереть ее чистым полотенцем, надеть чистое платье или халат. Если ребенок ест из бутылочки, то перед кормлением бутылочку и соски прокипятить.

Если у матери грипп или ангина, она должна быть очень осторожна и при кормлении надевать на лицо маску, сшитую из нескольких слоев марли или белой ткани.

Опасен для детей рахит. Развивается эта болезнь очень рано, поэтому уже с конца первого месяца жизни по назначению врача малышам дают витамин «Д».

При правильном уходе и питании вес недоношенных детей увеличивается каждый месяц на 600—700 г, и к двум-трем годам они догоняют в физическом развитии своих сверстников. Нервно-психическое развитие идет у них так же, как и у ребят, родившихся в срок. Это здоровые, веселые малыши.

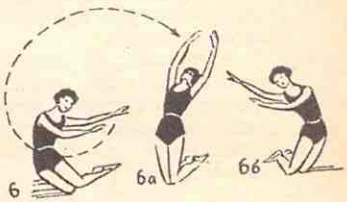
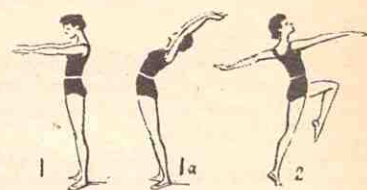
Отчего происходят преждевременные роды? Наиболее частые причины — заболевание женских половых органов, аборт, инфекционные болезни. Наблюдения подтверждают, что раньше срока обычно рожают или очень молодые или, наоборот, пожилые женщины. К преждевременным родам приводят также физическое и умственное напряжение, осложнения беременности.

Вовремя начатое лечение возникших заболеваний может предотвратить преждевременные роды.

Большое значение для нормального течения беременности имеет обстановка в семье. Муж в это время должен быть особенно внимателен к жене, ее нужно освободить от тяжелой домашней работы, оградить от всяких волнений.

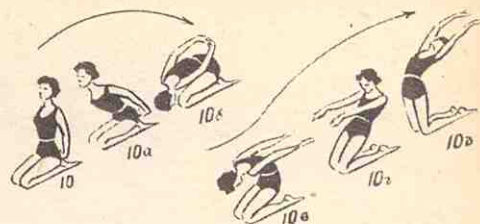
Е. НОВИКОВА,

кандидат медицинских наук





# ГИМНАСТИКИ ДЛЯ ЖЕНЩИН



В отличие от комплексов гигиенической гимнастики, рассчитанных на ежедневные занятия в течение 10—12 минут, мы предлагаем проводить урок гимнастики для женщин 2—3 раза в неделю продолжительностью 25—30 минут.

Если занимающиеся будут точно выполнять все упражнения, они приобретут правильную, красивую осанку, легкую походку. Их движения станут более пластичными, грациозными. Уменьшится жировая ткань. Занятия гимнастикой окажут благотворное влияние на функции всего организма.

Женщины в возрасте до 35 лет могут выполнять все основные и дополнительные упражнения, а женщины старше 36 лет следует сокращать количество повторений каждого упражнения, исключать трудные и отдыхать после 2—3 упражнений.

Но прежде чем приступить к занятиям, обязательно побывайте у врача. Медицинские осмотры следует повторять через каждые три месяца.

**ПЕРВОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Станьте, соедините пятки вместе, носки разверните врозь. Голову слегка опустите на грудь. Медленно поднимите руки вперед, вверх (на 6 счетов), глубоко выдыхая. Затем, также на 6 счетов, опустите руки через стороны вниз, делая выдох (рис. 1, 1а).

Повторите упражнение 3—4 раза.

**ВТОРОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** На счет 1, 2, 3 шагните правой ногой вперед, а левую поднимите перед собой так, чтобы бедро было параллельно полу. Правую руку вперед, а левую — вниз назад (рис. 2).

Теперь шагните левой и поднимите правую ногу, положение рук соответственно поменяйте. Повторите 12—16 раз.

Поднимая ноги, оттягивайте носки и слегка отводите колено наружу. Не задерживайте дыхание.

**ТРЕТЬЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Исходное положение сохраните такое же, как в предыдущих упражнениях. Положите руки чуть ниже пояса (рис. 3) и, медленно надавливая на таз, старайтесь прогнуться как можно больше назад (рис. 3а), а затем возвратитесь в первоначальное положение. Дышите глубоко.

Повторите упражнение 4—6 раз.

**ЧЕТВЕРТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Исходное положение прежнее. Положите руки на бедра (рис. 4) и, слегка приседая, отведите таз до предела влево, а потом в другую сторону (рис. 4а).

Упражнение выполняйте медленно, повторите 4—8 раз.

**ПЯТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Опуститесь на колени, при-

тесь руками в пол, поднимите голову, прогните как можно больше спину. Затем, опуская голову на грудь, выгните спину (рис. 5, 5а).

Повторите упражнение в медленном темпе 4—6 раз.

**ШЕСТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Сядьте на правое бедро, а руки отведите влево (рис. 6). Теперь энергично взмахните руками снизу вверх, выпрямитесь, станьте на колени (рис. 6а) и, опуская руки в другую сторону, слегка округляя спину и склоняя голову на грудь, плавно пересядьте на другое бедро (рис. 6б).

**СЕДЬМОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Сидя на полу, обопритесь руками, вытяните ноги вперед (рис. 7). Согните правую ногу и наклоните голову вперед, затем энергично выпрямите правую и согните левую и наконец согните обе ноги (рис. 7а). Повторите упражнение 6—8 раз. Отдохните, а затем поднимайте поочередно то одну, то другую (выпрямленную) ногу и обе вместе (рис. 7б).

**ВОСЬМОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Лежа на животе, разведите руки в стороны, выпрямите колени и носки. Затем поднимите одновременно ноги и корпус (рис. 8).

Повторите упражнение 4—6 раз.

**ДЕВЯТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Сядьте на пятки и положите руки на пол (рис. 9). Продвигайте тело вперед, не смещая руки и колени (рис. 9а), до полного выпрямления (рис. 9б). Наклоните голову, выгните грудную, а затем поясничную часть тела и снова сядьте на пятки, как было вначале.

Повторите упражнение 4—6 раз. Делайте его слитно, мягко, не задерживая дыхания.

**ДЕСЯТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Станьте на колени, сцепите руки сзади, опустите плечи и повыше поднимите голову (рис. 10). Наклоните корпус вперед (рис. 10а, 10б). После этого, медленно разгибаясь, выпрямитесь, поднимите голову и руки (рис. 10в, 10г, 10д). Все упражнение делается последовательно и мягко. Выдыхайте сгибаясь и вдыхайте выпрямляясь.

После минутного отдыха повторите упражнение, только более энергично.

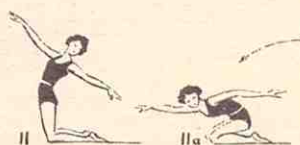
**ОДИННАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Оно состоит из четырех наклонов — вперед, влево, назад, вправо, — соединенных вместе.

Для того чтобы начать упражнение, необходимо опуститься на колени (рис. 11). Потом повернуть корпус влево и сесть на пятки (рис. 11а). Левую руку опустите вниз назад, а правую поднимите вверх. После этого выпрямите корпус и поверните его вправо. Выпрям-

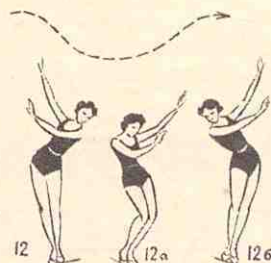
ившись, снова начинайте поворачивать корпус влево и садиться на пятки и т. д.

Повторите 4—6 раз.

**ДВЕНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Станьте, наклоните голову вперед, руки отведите вверх направо, ноги прямые (рис. 12). Затем слегка согните ноги в коленях, округлите спину и переведите таз влево. Руки идут через низ влево, вверх (рис. 12а, 12б). Выполните это упражнение в правую сторону и повторите 2—4 раза. После минутного отдыха повторите упражнение, но более энергично.

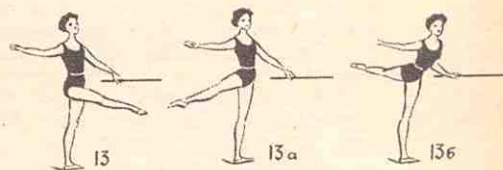


**ТРИНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Повернитесь левым боком к спинке стула и, слегка опираясь на него, поднимите вперед правую ногу, развертывая носок наружу, а затем опустите ногу вниз (рис. 13). Поднимите эту же ногу в сторону (рис. 13а), потом отведите назад (рис. 13б). Затем опустите ногу, повернитесь кругом и повторите все упражнение с другой ногой. Через 5—6 месяцев занятий постарайтесь соединить вместе все три фазы движения так, чтобы нога «описала» половину круга: вперед, в сторону, назад и обратно. Такое упражнение называется «круговым взмахом».



**ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Опираясь на спинку стула или кровать, согните и разогните руки в локтях, прижимая их к корпусу.

Упражнение повторите 4—6 раз (рис. 14—14а).

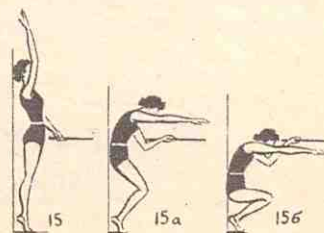
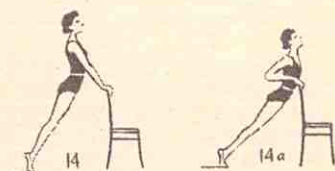


**ПЯТНАДЦАТОЕ УПРАЖНЕНИЕ.** Станьте боком к опоре, выпрямитесь (рис. 15), а затем медленно приседайте, наклоняя голову вперед, округляя спину (рис. 15а), до тех пор, пока бедра не будут параллельны полу (рис. 15б).

Обратите особое внимание на то, чтобы спина не отклонялась от линии, обозначенной на рисунке пунктиром.

Это первая часть упражнений — сгибание. За ней последует вторая — разгибание. Она выполняется в обратном порядке: сначала выпрямляется голеностопный, затем коленный, тазобедренные суставы, потом спина, и все заканчивается полным выпрямлением (рис. 16).

Выполняйте упражнение медленно. Сгибание и разгибание должно протекать последовательно, от сустава к суставу. Недаром это упражнение называется «волной». Повторите его 2—4 раза. После «волны» сделайте 8—12 подскоков. Затем походите, отдохните, а потом займитесь гигиеническими процедурами.



В. СОВИНОВ.  
заслуженный тренер  
РСФСР





Т. С. Панфилова беседует с родителями. Фото С. Онуфриюка.

## УЧИТЕЛЬНИЦА СКАЗАЛА...

— Ира! Зачем ты переставляешь лампу? — раздраженно спрашивает мать.

— Нам учительница сказала, чтобы мы, когда уроки учим, ставили лампу с левой стороны, — оправдывается дочка.

— Мало ли что она говорит! Вот разобьешь лампу, учительница нам новую не купит. Сейчас же поставь лампу на место!

Девочка в недоумении: кого ей слушаться? Наверное, маму. Ведь она рядом, все видит, а учительница может и не узнать. Ира сделала, как велела мама. А матери невдомек, что этот как будто незначительный факт заронил у девочки сомнения: следует ли всегда выполнять требования учительницы, школы? Дальше — больше. Пройдет время, у Иры могут возникнуть мысли, что и требования матери для нее не так уж обязательны.

Родители и учителя делают общее дело, стремятся к одной цели — воспитать настоящих людей, будущих граждан коммунистического общества. Эта цель будет успешно выполнена лишь при дружной, слаженной работе семьи и школы.

Правильно поступают те родители, которые, едва их сын или дочь пойдет в школу, устанавливая тесную связь с учителями, следят, чтобы ребенок строго соблюдал их требования, советуются с ними по вопросам воспитания. Но мне

хочется поговорить сегодня о тех родителях, которые не делают этого.

Недавно мне пришлось наблюдать такую сцену. Мать третьеклассника Юры М. по дороге из школы взволнованно говорила сыну:

— Ну, конечно, она тебя не любит и поэтому поставила «тройку». Наверное, ее любимчик Вова за такую же работу «пятерку» получил.

Я предложила женщине вернуться в школу. Мы вместе просмотрели работы Юриных одноклассников. Разумеется, оказалось, что у всех, кто допустил такие же ошибки, как Юра, стояли «тройки». Тогда я спросила:

— Почему вы утверждаете, что учительница несправедлива к вашему ребенку?

Оказалось, что матери просто жалко сына: он, видите ли, плакал из-за «тройки», и она старалась его утешить. А так как учительница несколько раз говорила, что мальчик невнимателен, мало работает дома, то она решила, что к Юре придираются.

Не подумала мать об огромном вреде, который наносит она сыну такими разговорами, подрывая веру в справедливость учителей, приучая мальчика винить в своих неудачах не себя, а кого-то другого.

Случается и так, что родители считают возможным в присутствии детей вслух высказать сомнения в знаниях учителя, критиковать методы его работы.

— Папа сказал, что вы неправильно учили нас решать задачу, — заявил на уроке отличник Витя Р. — Ее можно решить более простым способом.

Витя достал тетрадь, где задача дей-

ствительно была решена проще, чем в классе, но для этого нужно было знать разделы математики, которые ребята еще не изучали. Учительница объяснила это, но Витя да и кое-кто из его товарищей поглядывали на нее с недоверием.

Отец Вити допустил грубую педагогическую ошибку. Если у него появились сомнения, он мог поговорить с преподавательницей наедине, поспорить, но ни в коем случае не вовлекать в этот спор школьников. Ведь авторитет учителя — главное его оружие. Без этого нельзя успешно учить и воспитывать ребят.

Но как быть, спросите вы, если вам не удалось найти общий язык с учителем, а вы остаетесь при своем мнении, убеждены, что учитель неумелый, недостаточно подготовленный, а может быть, и недобросовестный? Что же, он недостижим для критики? Это, конечно, не так. Бывает, что и хорошие, опытные педагоги допускают ошибки. Критиковать их можно и нужно.

Если вам что-то в обучении и воспитании детей кажется неправильным, разберитесь в этом вопросе до конца. Прежде всего придите к учителю, когда он свободен от уроков, спросите его, почему он поступает так, а не иначе. Педагогика — очень сложное, тонкое дело, не удивительно, что людям несведущим многое непонятно. И очень часто после душевного разговора с учителем родители убеждаются в своей неправоте.

Если же вы и после этого разговора с учителем не можете согласиться с его доводами, — ну, что ж, ваше право и даже обязанность обратиться к директору, к завучу, в общественные организации школы. Они непременно укажут учителю на его недостатки и предложат их исправить. Само собой понятно, что делать большое общее дело родители и педагоги могут лишь при взаимном уважении.

Однако встречаются еще люди, которые относятся к слову учителя пренебрежительно.

Сын или дочь приносит домой записку: родителей приглашают в школу.

— Скажи своей Марии Ивановне, — говорит мать, гремя на кухне тарелками, — что мы работаем, и нам некогда ходить. А если ей очень надо поговорить с нами, пусть сама придет.

Ребенок растерян: не может же он передать учителю слова матери. И назавтра в классе, красный от смущения, выдумывает небылицы, выгораживая свою маму.

Такие люди, как эта мать, лишены элементарного чувства благодарности. Они забыли о том, что сами когда-то были школьниками и чем обязаны учителям.

Но, к счастью, не эта мать и ей подобные определяют отношение к учителю у нас в стране, где он окружен глубочайшим уважением.

Безмерно велики силы воспитательного воздействия школы и семьи, если они объединены и направлены к одной цели. Там, где отношения учителей и родителей строятся на взаимном уважении и доверии, когда семья и школа соблюдают единство требований, поддерживают авторитет друг друга, мы обычно видим хорошие результаты в обучении и воспитании детей.

Т. ПАНФИЛОВА,  
кандидат педагогических наук.





**СТРАНИЦА  
ОТСУТСТВУЕТ**

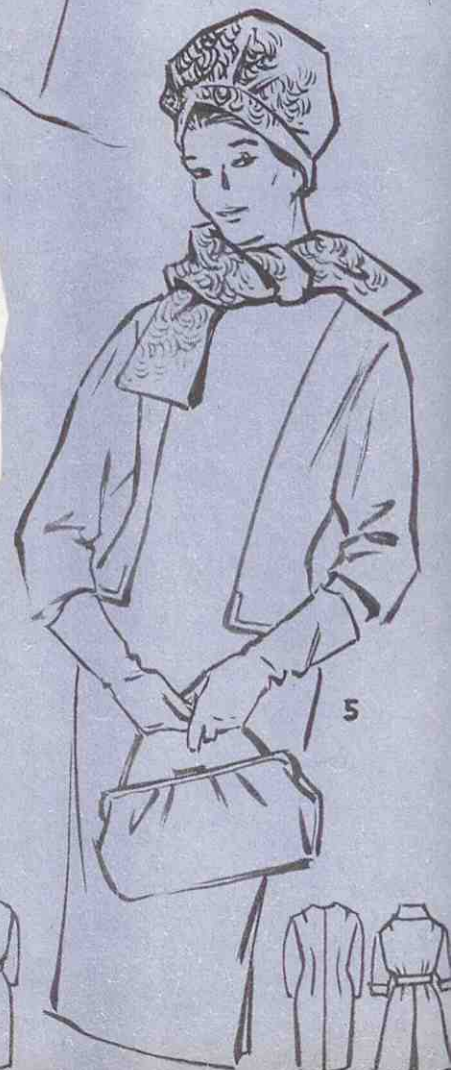
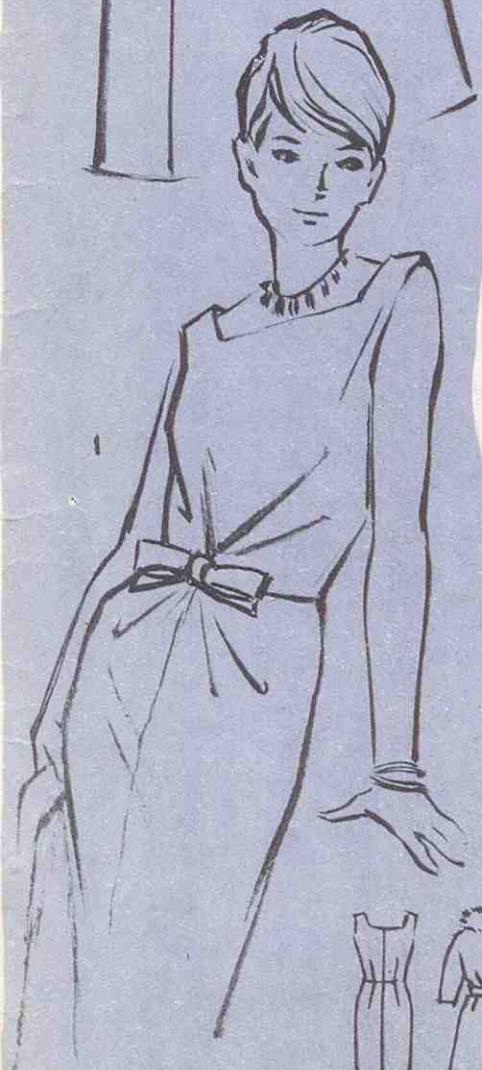
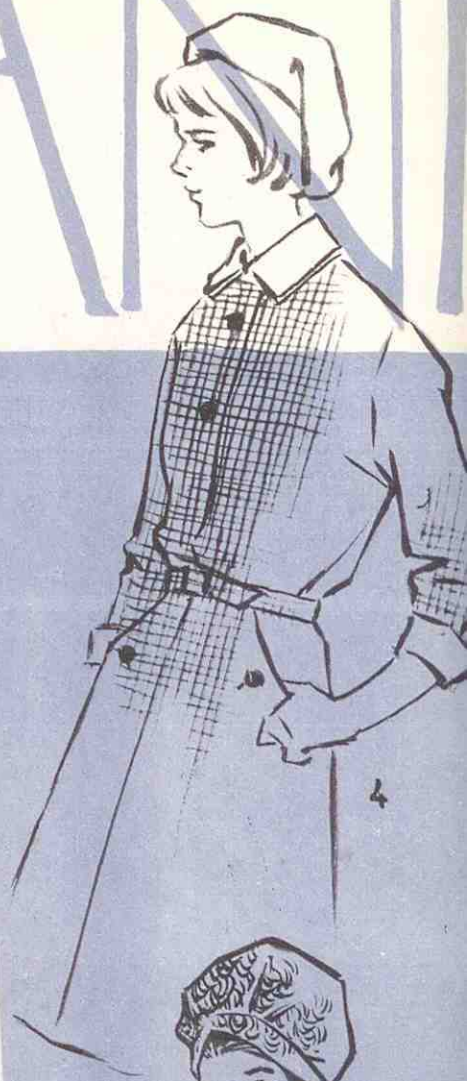


**СТРАНИЦА  
ОТСУТСТВУЕТ**



Модели из чешского журнала

# ODIVANI





38

Цена номера 10 копеек.

Индекс 70770

